

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное агентство по образованию
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

Л.Д. Руденко

Девииантология

Учебное пособие

*Рекомендовано
Научно-методическим советом университета
для студентов специальности Социология*

Ярославль 2007

УДК 316.6(075.8)

ББК С550.8я73

Р 83

Рекомендовано

*Редакционно-издательским советом университета
в качестве учебного издания. План 2007 года*

Рецензенты:

М.С. Чудакова, кандидат исторических наук;
кафедра политологии и социологии Ярославского государственного
педагогического университета им. К.Д. Ушинского

Р 83 **Руденко, Л.Д.** Девиантология: учеб. пособие / Л.Д. Руденко;
Яросл. гос. ун-т. – Ярославль : ЯрГУ, 2007. – 104 с.
ISBN 978-5-8397-0534-0

В учебном пособии изложены теоретико-методологические основы курса девиантологии. Рассмотрены основные теории в рамках позитивизма, объясняющие причины возникновения и существования отклонений от социальных норм в обществе: биологические, психологические и социологические. Каждая глава сопровождается заданием на семинарское занятие, в конце пособия приводится литература, работа с которой позволит расширить знание материала.

Пособие предназначено для студентов, обучающихся по специальности 040201 Социология (дисциплина «Девиантология», блок ОПД) очной формы обучения, а также аспирантов, преподавателей, членов общественных и государственных организаций, которые занимаются исследованиями в области отклонений от социальных норм.

УДК 316.6(075.8)

ББК С550.8я73

ISBN 978-5-8397-0534-0

© Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, 2007

© Руденко Л.Д., 2007

Предисловие

Дисциплина «Девиянтология» в соответствии с учебным планом специальности «Социология» относится к числу общепрофессиональных дисциплин.

Основной задачей данного курса является ознакомление с теоретико-методологическими основаниями понятий нормы, девиантности, культурного релятивизма и социального контроля. Детально излагаются теоретические основы и история формирования девиантологии – социологии девиантности и социального контроля.

Особую актуальность изучение отклонений от социальных норм приобретает в современных социально-экономических условиях, когда осуществляются коренные реформы в области политики, экономики и социальной сферы, сопровождающиеся значительными изменениями в уровне и качестве жизни населения. Остроту теме придает также стремительность процессов глобализации, в результате которой растет неравенство не только между социальными группами населения, но и между развитыми и развивающимися странами.

В данном пособии рассматриваются методологические предпосылки изучения и объяснения девиаций в рамках позитивизма. При этом особое внимание уделено социологическому направлению, так как именно в его рамках сформировалась и продолжает развиваться социология девиантности как специальная социологическая теория.

В помощь слушателям предлагаются задания на семинарские занятия, список рекомендуемой литературы.

Глава 1. Основные понятия девиантологии

Девиантология: понятие, предмет, связи с другими науками

Девиантология – наука, изучающая социальные девиации и реакцию общества на них, – относительно молодая отрасль социологического знания. Однако отдельные идеи относительно различных девиаций и их объяснения с давних лет привлекают ученых, в основном философов и юристов. Здесь необходимо отметить рассуждения Мо-цзы, попытавшегося установить зависимость между экономическими показателями и злостью людей; Аристотеля, рассматривавшего семейное воспитание в качестве способа избавления общества от девиаций; Ш. Монтескье, Ч. Беккариа и Вольтера, высказывавшихся за необходимость предупреждать преступления, а не только заботиться о возмездии (в будущем их идеи послужат основой для развития прогрессивной концепции теории права – конвенционализма, в рамках которой отстаивается принцип, что главным в наказании является эффективность, способность предотвращать негативные последствия преступления) и др.

Большое влияние на развитие девиантологической мысли оказала классическая школа уголовного права, возникшая в XVIII в. Упомянутый выше крупнейший представитель школы Ч. Беккариа отрицал назначение наказания как истязания и мучения. Цель наказания он видел в том, чтобы воспрепятствовать виновному вновь нанести вред обществу и удержать других от совершения преступлений. Прогрессивный характер носили выдвинутые Беккариа положения, что никто не может быть назван преступником, пока не вынесен обвинительный приговор, и что только законы могут устанавливать наказание за преступления.

Долгое время религия представляла собой ведущую силу европейского общества, заложив тем самым основы для теологически-религиозного взгляда на отклонения. К числу девиантов относились еретики, ведьмы и колдуны.

Понятие «охота на ведьм» не теряет своего нарицательного значения и в современных условиях. Основными чертами подобно-

го рода социальной практики, по мнению А.М. Яковлева, являются следующие¹:

1) в ее основу кладется постулат зловещей угрозы, неминуемо грозящей обществу;

2) источник такой угрозы наделяется чрезвычайным могуществом;

3) сама угроза мистифицируется, она по определению не подлежит рациональному анализу и обоснованию;

4) социальная ситуация поляризуется: на одном полюсе – силы абсолютного зла, на другом – совершенного добра;

5) те, кто сомневается или пытается стоять в стороне, причисляются к пособникам зла;

6) быть заподозренным в ереси или колдовстве значило практически быть осужденным, т.е. рациональная защита с самого начала исключалась самим мистифицированным характером обвинения;

7) преследование за ересь окутывается тайной.

Борьба с преступностью подобного рода привела к созданию методики определения преступников. Так, в 1486 г. инквизиторами Шпренгером и Крамером был создан «Молот ведьм» – трактат, явившийся первым пособием по охоте за ведьмами.

Как самостоятельная научная отрасль девиантология начала формироваться лишь в конце XIX в. Ее возникновение было связано прежде всего со становлением и развитием первых социологических концепций: функционализма, социальной дезорганизации, аномии, конфликта и т.д. Первые теоретики социологической мысли – Э. Дюркгейм, К. Маркс, Г. Зиммель, В. Бонгер и др. – провели научные изыскания в области социальных отклонений, основываясь при этом на фактах, а не догмах. Промышленная революция, охватившая западные страны в XIX в., оказала определяющее влияние на жизнь людей и взаимодействие целых социальных групп, внесла существенные изменения в традиции и ценности общества, ослабила роль религии. Результаты исследований первых социологов, изучивших данные процессы с помощью научных ме-

¹ Яковлев А.М. Теория криминологии и социальная практика. М., 1985. С. 120.

тодов, и сформировали теоретические основы социологии девиантности.

Дальнейшее развитие девиантологии во многом было связано с деятельностью Чикагской школы, представители которой видели задачу социологии в содействии социальным реформам. Их деятельность во многом была направлена на совершенствование социума, испытывающего на себе как позитивные, так и негативные воздействия урбанизации и индустриализации. В результате промышленного переворота большие массы людей в XIX и XX вв. мигрировали со своих насиженных мест в деревнях в городах. Такая масштабная миграция в значительной степени была вызвана созданием рабочих мест в промышленности в городских районах. Однако адаптация к городской жизни сопровождалась многими трудностями. Разрастание городов повлекло за собой бесчисленные проблемы: перенаселенность, экологические риски, шум и т.д., которые привлекли внимание многих ранних социологов. Таким образом, Чикагская школа интересовалась городской жизнью и использовала Чикаго в качестве лаборатории для изучения урбанизации и сопутствующих ей социальных проблем.

Интерес к исследованию отклонений от социальных норм в мире резко возрастает после Второй мировой войны, которая разрушила иллюзии построения просвещенного общества без насилия и преступлений. В этот период увеличивается количество локальных войн, растет организованная преступность, усиливается биполярность, что привлекает внимание исследователей социальных проблем. Усилиями Р. Мертона, Э. Сатерленда, А. Коэна, Г. Беккера и др. были эмпирически изучены и проанализированы различные основания и причины возникновения девиаций.

Но лишь в 90-е гг. XX в., по мнению Я.И. Гилинского, социология девиантности и социального контроля начинает походиться на «нормальную науку»². Многие исследователи считают, что социология девиантности не устоявшаяся до сих пор наука, а собрание относительно независимых социологических версий (П. Рок).

В литературе по-разному называют науку о социальных отклонениях: социология девиаций, социология девиантности и социального контроля, социология отклонений. Однако в российской

² Гилинский Я.И. Девиантология. СПб., 2004. С. 21.

науке более устоялся термин «девиантология», дефиниция которого имеет несколько вариантов. Нам кажется наиболее удачным определение, которое ввел известный российский криминолог Я.И. Гишинский: «Девиантология (deviantology) – это наука, изучающая социальные девиации (девиантность) и реакцию общества на них (социальный контроль)»³. Стоит отметить, что разница в вариантах в основном не носит принципиального значения. Так, Н.В. Губина определяет девиантологию как научную и учебную дисциплину, изучающую такой феномен, как девиация, и те последствия, к которым она приводит⁴. Девиантология изучает отклонения от норм, регулирующих жизнь человеческих сообществ⁵.

Девиантология учитывает интересы и других наук и широко использует их достижения. Так, в рамках психологии формируются теории, объясняющие индивидуальные психологические особенности девиантного поведения, прежде всего криминального и суицидального. В рамках позитивизма сформировано целое психологическое направление объяснения девиаций, которое включает в себя ряд теорий: психодинамическую, эволюционную, бихевиоризма, когнитивную.

История позволяет проследить изменение культурных норм и социальных ценностей на протяжении жизни многих поколений, выявить социальный контекст событий и явлений, которые ранее считались девиантными.

Большое влияние на развитие девиантологии как науки оказывает культурология, которая изучает культурные нормы, ценности, ценностные ориентации и их динамику в различных обществах. Именно изучение реальных и потенциальных противоречий между различными типами культур (южной и северной, городской и сельской и т.д.) заложило основы для формирования одной из самых влиятельных теорий девиантологии – теории конфликта Т. Селлина.

В рамках социологии девиантности большое число исследований посвящено молодежным субкультурам и девиантному поведе-

³ Гишинский Я.И. Указ. соч. С. 35.

⁴ Губина Н.В. Девиантология. Проблема социальных девиаций. Казань, 2003. С. 15.

⁵ Хагуров Т.А. Введение в современную девиантологию. Ростов н/Д, 2003. С. 15.

нию молодежи, которые определили развитие теории субкультуры. Изучение делинквентных субкультур, подростковых и молодежных банд потребовало обращения к научным наработкам ювенологии, а именно обследований девиантного поведения молодежи в период ее социализации.

В отдельные периоды своего становления девиантология тесно переплеталась с антропологией, что в итоге вылилось в формирование антропологического направления, имевшего ряд вариаций. Первоначально данное направление было представлено идеями Ч. Ломброзо, настаивавшего на «прирожденности» преступника, а также теориями Э. Кречмера и У. Шелдона, подчеркивавших важность строения тела и особенности фигуры в прогнозировании криминальности человека. Затем по мере развития современной биологии и генетики появляются новые теории, среди которых самая популярная – хромосомная.

Значительное влияние на девиантологию оказывают юридические науки, особенно криминология. Именно на криминологии апробировались исследовательские методы, строились умозаключения, формировались научные школы. Сегодня преступность является наиболее изученным отклонением от социальной нормы. Во многом это связано с общей тенденцией гуманизации пенитенциарной системы в европейских странах, в результате которой большее внимание уделяется превенции преступности. Не случайно первые социологические обследования были посвящены именно тюремным учреждениям: в XVIII в. шериф Дж. Ховард предпринял анализ тюрем Англии и Уэльса. Он подробно обследовал пенитенциарные заведения во всех графствах: питание, одежду, труд заключенных, санитарные условия их содержания. В дальнейшем Ховард дал сравнительную характеристику тюрьмам Франции, Германии, Швейцарии и Голландии.

В ряду первых крупных исследователей преступности необходимо также отметить А. Герри, установившего зависимость числа и характера преступлений от пола и возраста преступников, уровня промышленного развития департаментов и времени года. А. Герри доказал, что от уровня образования преступность не зависит («Сравнительная статистика образования и числа преступлений в разных округах», «Очерки моральной статистики Франции»).

Однако стоит отметить, что внимание исследователей-социологов привлекала не только преступность, но и другие социальные проблемы. Например, А. Паран-Дюшатле первым исследовал проблемы проституции, используя не только статистические методы, но и анализ полицейских документов, интервьюирование и личные наблюдения («Общественная гигиена», «Проституция в Париже»).

Девиантология активно применяет научные разработки демографии, экономики, политологии, статистики, географии (делаются попытки установить зависимость уровня преступности и употребления алкоголя от географического расположения региона).

Интересны отношения девиантологии с социологией. Как следует из некоторых вышеперечисленных названий науки, изучающей девиации, ряд ученых отождествляет ее с социологией (социология девиантности, социология отклонений). И если мы откроем любой учебник по социологии, то обязательно встретим там раздел, посвященный девиантному поведению. Причем это относится не только к отечественным, но и к зарубежным работам. Однако, как уже было отмечено, к изучению отклонений от социальных норм имеют отношение не только социология, но и психология, культурология, право и т.д. Поэтому ряд ученых придерживаются точки зрения, что девиантология не сводится к роли отраслевой социологической дисциплины.

При ответе на вопрос, какое место в системе наук занимает девиантология, мы придерживаемся мнения ведущего девиантолога Я.И. Гилянского. Он считает, что «социология девиантности является более общей теорией по отношению к наукам, изучающим отдельные проявления девиантности: криминологии (наука о преступности), суицидологии (наука о самоубийствах и суицидальном поведении), «аддиктологии» (наука об аддикциях, пристрастиях, зависимостях – алкогольной, наркотической, табачной, игровой, компьютерной и др.), отчасти сексологии (наука о сексуальном поведении, включая «отклоняющееся» – перверсии), социологии творчества»⁶.

Девиантология связана также с различными отраслями социологических знаний – социологией семьи, социологией культуры,

⁶ Гилянский Я.И. Указ соч. С. 37.

социологией науки, военной социологией и др. По мере развития девиантологии формируются частные девиантологические науки – военная девиантология, подростковая девиантология и др.

В качестве объекта девиантологии можно выделить социальные сообщества, которые являются реальными или потенциальными носителями девиантного поведения, в качестве предмета – девиантность как социальный феномен, а также различные виды девиантности: такие, как алкоголизм, преступность, самоубийства и др.

Следует отметить, что девиантология долгий период времени развивалась прежде всего за рубежом. В России проблематика социальных девиаций исследовалась главным образом в рамках социологической школы уголовного права и суицидологии, становление которых пришлось на середину XIX в. Именно в этот период складывается междисциплинарный подход к изучению суицида. Однако еще в 1823 г. на заседании Российской Академии наук прозвучал доклад К.Ф. Германа на тему «Изыскание о числе самоубийств и убийств в России за 1819 и 1820 гг.», в котором проводилось сопоставление уровня самоубийств с различными социальными факторами: пьянством, экономическим положением, социально-политическими условиями после войны. В 1847 г. в журнале «Министерства внутренних дел» была опубликована статья К.С. Веселовского «Опыты нравственной статистики России», посвященная статистике самоубийств, а в 1874 г. – книга под таким же названием. Автор изучил не только общую динамику суицидов с 1803 по 1841 г., но и проанализировал влияние на нее территориального фактора (повышенный уровень самоубийств отмечался в Москве и Санкт-Петербурге), половой принадлежности (доля женских самоубийств не достигала даже 25%), сезонных условий (весенний и летний пик).

Необходимо подчеркнуть, что проблема самоубийства интересовала прежде всего медиков, поэтому термин «суицидология» впервые встречается в работах врачей П.Г. Розанова (1891 г.) и Ф.К. Тереховко (1903 г.), считавших самоубийц психически больными людьми. Мнения, что самоубийство является результатом психического заболевания, длительное время поддерживались сторонниками психопатологической концепции. Медики, как и психологи, анализировали самоубийство исключительно как индивидуальный поведенческий акт и не наблюдали в нем социальных причин.

В то же время крупнейшие психиатры страны В.М. Бехтерев, С.С. Корсаков, А.И. Сикорский, Н.И. Баженов и С.А. Суханов в своих работах отрицали абсолютную идентичность самоубийства и душевного заболевания и неоднократно подчеркивали значение социальных факторов, включая условия семейного и школьного воспитания, а также настаивали на необходимости общественных усилий для превенции самоубийств. Так, Н.И. Баженов в 1911 г. составил «Проект законодательства о душевных больных», в котором причину нарастания в современном обществе нервных расстройств и душевных болезней видел в укладе жизни. В свою очередь В.М. Бехтерев установил, что в странах с развитой железнодорожной сетью количество аутоагрессивных актов выше, а число самоубийств в годы революций и войн не изменяется, но в последующие годы вследствие разочарований растет.

В дальнейшем с помощью статистических методов было установлено, что только 25 – 30% самоубийц страдали каким-либо психическим заболеванием. Известный суицидолог Г.И. Гордон, автор предисловия к монографии Дюркгейма «Самоубийство», писал: «Мы допускаем, стало быть, что при известных условиях каждый из нас может стать самоубийцей независимо от состояния своего здоровья, умственных способностей, окружающих условий жизни и т.д. К реакциям в форме самоубийства способны не только больные и болезненные, но и здоровые души, совершенно нормальные по своим качествам и эмоциям»⁷. Автор рассматривал предрасположенность к самоубийству как внутреннее свойство или состояние организма, а точнее, ослабление или полное исчезновение жизненного тонуса или инстинкта жизни. И.А. Сикорский также считал утомление жизнью одной из самых распространенных причин самоубийства.

В 1882 г. была опубликована работа известного юриста А.В. Лихачева «Самоубийства в Западной Европе и Европейской России. Опыт сравнительно-статистического исследования», выполненная с использованием статистического метода. Проанализировав данные по Петербургу за 1866 – 1880 гг. и Москве за 1871 – 1880 гг., автор в качестве основных мотивов самоубийства выделяет следующие: душевные болезни (19,9%), пьянство (9,76%), мате-

⁷ Хагуров Т.А. Указ. соч. С. 114.

риальные потери, неудачи (7,67%), утомление жизнью (5,52%), горе и обиды (4,49%), физические страдания (3,54%), стыд и страх наказания (3,36%), любовь (2,1%), неизвестные причины (44,56%). А.В. Лихачев приходит к выводу о необходимости улучшения материальных основ жизни, которые в большей степени влияют на взаимоотношения людей, чем другие, например религиозные.

Из всех форм отклонений пьянство наиболее привлекало внимание ученых дореволюционной России. Как отмечает И.А. Голосенко, изучением феномена алкоголизации русские исследователи занимались в течение почти всего XIX в., но наиболее основательно после введения «винной монополии» в начале 1895 г., когда правительство взяло всю розничную торговлю спиртным в свои руки⁸. В результате вместо уменьшения пьянства произошло открытие новых винных лавок, что вызвало протесты со стороны общественности (А. Кони, В. Бехтерева, М. Ковалевского и т.д.).

В числе исследователей алкоголизма необходимо назвать В.К. Дмитриева, С.А. Первушина, И. Янжула, В.М. Бехтерева. Например, В.К. Дмитриев основной причиной роста алкоголизации считал экономические факторы. Он связал интенсивность алкоголизации российского общества на стыке XIX и XX вв. с экономическими подъемами и кризисами промышленности, что в свою очередь влияет на миграцию людей: происходит то отток населения в города, то отток из них. Однако имеются и дополнительные факторы, влияющие на алкоголизацию: физиологическое состояние, здоровье, религиозная принадлежность и др.

Длительное время в российской дореволюционной науке ощущалось влияние ломброзианства, с помощью которого изучались проблемы проституции и преступности. Так, профессор Императорской военно-медицинской академии В.М. Тарновский относил большинство проституток к изначально дегенеративному типу. Его мнение разделяли А. Федоров, Н. Краинский и П.Н. Тарновская.

В XIX – начале XX в. вопрос о сущности и роли проституции был одним из дискуссионных в исторической, социально-политической и медицинской литературе. Это было связано с тем, что проституция, по мнению ученых, не только разрушала соци-

⁸ Голосенко И.А. Социологическая ретроспектива дореволюционной России. СПб., 2002. С. 246.

альный уклад жизни, но и распространяла в большом масштабе венерические болезни, особенно сифилис.

Однако исследователи такого отклонения, как проституция, не были едины в своих изысканиях насчет определения проституции. Часть ученых (И. Приклонский, А. Сабанин) широко трактовали это понятие и сводили к проституции любые внебрачные сексуальные связи. Другие, в основном представители социологического направления (М. Кузнецов, А. Дубровский), под этим явлением понимали регулярную продажу собственного тела или услуг разным потребителям для удовлетворения их сексуальных потребностей.

Так, М. Кузнецов отмечал следующее: «Проститутка, или, как привыкли выражаться у нас, "публичная женщина", обыкновенно употребляется в слишком широком плане; в сущности же проститутка есть женщина, отдающая за деньги свое тело для удовлетворения полового инстинкта мужчины ... В этом смысле проституция есть торговля человеческим телом с преследованием развратных целей, в обширном смысле, у нас иногда принимается за проституцию вообще все внебрачные половые отношения»⁹. По мнению М. Чистякова, в определение «проституция» нужно включать только самые существенные признаки, а именно: «... женщина, которая открыто и не разбирая личность продает свою любовь за деньги и ищет известности, как таковая и есть всегда проститутка, т.е. в это понятие не должен входить критерий о ее здоровье, а также то, проститутку ли она с ведома администрации или нет»¹⁰.

При этом, как верно подметил И.А. Голосенко, с социологической точки зрения проституция как социальное явление – это не просто совокупность проституток, а плюс способы и агенты организации их деятельности (типа бандерш, содержательниц притонов и т.п.) и постоянные потребители проституции, спрос со стороны которых ее воспроизводил¹¹.

⁹ Кузнецов М. Историко-статистический очерк проституции в Петербурге с 1852 по 1869 гг. // Архив судебной медицины и общественной гигиены. СПб., 1870. Кн. 1. Отд. III. С. 50

¹⁰ Чистяков М. Доклад собранию членов русского сифилидологического и дерматологического общества // Военно-медицинский журнал. СПб., 1887. С. 145.

¹¹ Голосенко И.А. Указ. соч. С. 216.

Научные споры вокруг дефиниции «проституция», а также возможных причин этого социального явления поставили вопрос о необходимости проведения крупномасштабных статистических и социологических исследований. Наиболее крупное из них было проведено по инициативе Центрального статистического комитета МВД в 1899 г. и охватывало все регионы Российской империи. Под руководством А. Дубровского всего было обследовано более 17,6 тыс. женщин, которые занимались проституцией. Была изучена их сословная и национальная принадлежность, образование, возраст, семейное положение, стаж занятия проституцией, место рождения и т.д. К числу крупных исследований относятся также опросы П.Е. Обозненко, в выборку которого попали 5 тыс. проституток Санкт-Петербурга; С.Е. Ельциной и Н.И. Холевской, обследовавших проституток Нижегородской ярмарки; П.Н. Тарновской, охватившей 150 проституток низшего разряда и 150 женщин из контрольной группы (сельских работниц и горожанок).

Повышенное внимание отечественная наука уделяла также проблемам преступности. Первыми юристами, призвавшими своих коллег криминологически расширить рамки уголовного права, включить в него исследование (в том числе и статистическое) причин преступности, были М.В. Духовской и И.Я. Фойницкий. Так, в 1872 г. в своей лекции «Задачи науки уголовного права» М.В. Духовской отметил, что уголовное право должно изучать преступление как явление общественной жизни и его причины. Главной причиной преступлений он считал общественный строй, дурное экономическое устройство общества, дурное воспитание и целую массу других условий.

Особенно активно проводились научные изыскания в области женской преступности¹². Так, определенный интерес к рецидивной преступности женщин проявляли сторонники антропологической теории, представители моралистической теории и социологического направления в криминологии.

П.Н. Тарновская, подвергнув скрупулезному антропологическому измерению более пятисот женщин-преступниц, обосновыва-

¹² Более подробно об изучении женской преступности в дореволюционной науке см.: Морозов А.Ю. К вопросу о причинах рецидивной преступности женщин (историко-сравнительный аспект) // Вестник СевКавГТУ. Серия «Право». 2004. № 1.

ла причины рецидива преступлений среди женщин их психофизиологической предрасположенностью к совершению преступлений.

В конце XIX – начале XX в. изучение женской преступности привлекало и представителей «моралистической теории» (Н.В. Давыдов, Н.В. Зеланд), которая делала акцент на изначальной нравственности женщин: она обладает более мягкими чертами характера, более воспитанна, не так агрессивна, как мужчина, более требовательна к соблюдению социальных норм поведения, менее восприимчива к чувственным удовольствиям и поэтому реже совершает преступления.

Характерной чертой социологической школы уголовного права было толкование преступления не только как юридического понятия, но и как социального явления. Ее представители ставили перед собой цель изучения влияния социальной среды на преступность. В своих научных трудах главное внимание ученые сосредоточили на определении факторов преступности и на прогнозировании, как тот или иной фактор способствует нарушению закона. Социологическая школа (Е.Н. Анучкин, М.Н. Гернет, Х.М. Чарыхов, П.И. Люблинский, М.П. Чубинский, И.Я. Фойницкий) для анализа преступности предлагала различные классификации факторов преступности, самой распространенной из которых была трехчленная, исходящая из трех основных факторов: социально-экономический контекст, климатические условия и индивидуальные различия между людьми. Важнейшим методом исследования закономерности развития преступности социологическая школа считала статистический анализ. Исследователи пытались сравнить уровень преступности с особенностями региона, времени года, половозрастных, образовательных характеристик преступников, цен на хлеб и т.д.

В этой связи интересно исследование Е.Н. Тарновского, который проанализировал динамику числа краж и хлебных цен с 1874 по 1894 г. и отметил решающее значение колебаний хлебных цен для роста имущественных преступлений. В качестве необходимой меры в борьбе с преступностью он предлагал борьбу с экономической нуждой основной массы населения, особенно в периоды обострения кризисов. Еще одну причину преступности Е.Н. Тарновский видел в пьянстве, невежестве и плохом досуге народа.

Ярким представителем социологического направления в криминологии является М.Н. Гернет, который на основе большого эм-

пирического материала анализировал зависимость уровня преступности от социально-демографических характеристик населения (половой принадлежности, возраста, социального статуса, территории проживания, алкоголизации и т.д.). В своей книге «В тюрьме. Очерки тюремной психологии» он заложил основы пенитенциарной психологии. Автор образно раскрывает предмет своего исследования: «Не спертый и тяжелый воздух в тюремной камере, не количество воздуха, приходящееся на арестанта, интересует автора настоящих строк, а живая душа человека, заключенного в тюрьму, с особенностями его переживаний за высокими стенами, за крепкими дверями, под охраной внутренней и внешней»¹³. Свою задачу он видел в изучении влияния лишения свободы на психику и поведение осужденных.

Однако вышеперечисленные исследования проводились отдельными энтузиастами и не претендовали на статус концептуальных теорий: не было соответствующего понятийного аппарата, четких методов исследований, методологической базы. В условиях советского политического режима исследования по проблемам девиантного поведения практически прекратились. Первые работы по социологическим теориям девиантного поведения в отечественной науке появляются лишь в середине 1960-х гг.

К первым работам по социологическому осмыслению девиантного поведения, подготовленным в период хрущевской «оттепели», относятся публикации Я.И. Гилинского, А.Г. Здравомыслова, В.Н. Кудрявцева, А.М. Яковлева, В.С. Афанасьева, А.А. Габiani, Б.М. Левина и др. В постсоветской России это направление социологии приобретает все большее развитие.

Понятие девиации

Несмотря на то, что девиацию по-разному трактовали представители различных концепций, все же среди социологов существует определенное согласие по поводу этого базового понятия: девиация всегда относится к такому поведению, которое является нару-

¹³ Зубков А.И., Калинин Ю.И., Сысоев В.Д. Пенитенциарные учреждения в системе Министерства юстиции России. История и современность / Под ред. и с предисл. С.В. Степашина и П.В. Крашенинникова. М., 1998. С. 91.

шением правил, выработанных данным обществом или социальной группой. Понятие девиации подразумевает отказ или неспособность индивида или целой группы людей следовать тем моральным нормам и правилам поведения, которые доминируют в обществе. Общество постоянно осуществляет социальный контроль над исполнением моральных предписаний, при этом существует множество его различных способов – от применения физической силы до психологического давления. Масштабы и характер допустимых рамок поведения варьируются не только во времени, но и от одного общества к другому.

Девиант заявляет о своем присутствии неправильным ответом в сравнении с тем ответом, который мог бы типично ожидаться. Петер и Бриджит Бергер приводят интересный пример проявления социальных ожиданий приемлемого поведения: «...давайте представим себе только что пришедшего мужчину, представляемого гостям на вечеринке. В комнате уже присутствуют несколько человек обоего пола. Типовое ожидание состоит в том, что, когда мужчина представляется по имени другим присутствующим индивидам, он обойдет их по кругу, пожмет каждому руку и сядет. Если он проделает все это именно так, можно считать, что он отвечает на ожидания типовым образом. Однако предположим, что, проделав все эти действия, он устремляется к одной из женщин, присутствующих на вечеринке, бросается перед ней на колени, складывает свои руки, касается лбом пола и говорит: "Вы так прекрасны. Позвольте мне воздать должное вашей красоте". Есть шанс (и даже в очень усложненной среде), что все, и в особенности женщина, которую чествуют таким образом, будут слегка встревожены. Если же будет установлено, что этот тип на коленях – не уроженец какой-то экзотической восточной страны, беспокойство еще более усилится. В зависимости от его последующего поведения, он может быть подвергнут классификации несколькими различными способами. Могут прийти к заключению, что он просто пытается произвести впечатление. Или, может быть, он таким образом выражает некие собственные эксцентрические убеждения в том, каковы должны быть правильные отношения между людьми. Он может принадлежать к какой-нибудь группе, которая желает восстановить коды средневекового рыцарства. С другой стороны, люди могли бы решить, что он просто псих. Каким бы ни был вывод, этот акт данного индивида поместил его в сознании каждого

из присутствующих в общую категорию девиантов»¹⁴. Таким образом, девиантность определяется соответствием или несоответствием поступков социальным ожиданиям. Некоторые социологи полагают, что девиантными могут быть не только действия, но и идеи, взгляды.

В самом широком смысле слова девиация означает поступки или действия, выходящие за пределы общепринятых норм. Когда социологи, в основном американские, пишут о том, что девиантность принимает такие формы, как криминал, самоубийство, бунт, гениальность, творчество, научные открытия, наркомания, воодушевляющее лидерство и т.д., то они имеют в виду девиантность в широком смысле. Действительно, большая часть примеров девиации ассоциируется у нас с негативными явлениями, например наркоманией, кражей или жестоким обращением с женщиной. Но и абсолютно законопослушных людей, например учеников, которые слишком усердно занимаются уроками, или тех, кто проводит большую часть своего времени за компьютером, мы тоже считаем девиантными.

Э. Гидденс обращает внимание на то, что девиантное поведение и преступление – отнюдь не одно и то же, хотя во многих случаях они могут пересекаться. Понятие девиантного поведения гораздо шире понятия преступления, которое относится только к отклоняющемуся от нормы поступку, при котором происходит нарушение закона. Многие формы девиантного поведения закон не карает санкциями.

Узкая трактовка подразумевает негативное отношение к социальным нормам, регулирующим поведение индивида или группы людей. В таком случае Н. Смелзер предлагает рассматривать девиацию как «отклонение от групповой нормы, которое влечет за собой изоляцию, лечение, тюремное заключение или другое наказание нарушителя»¹⁵. На основе данного определения он выделяет три основных компонента девиации: человек, которому свойственно определенное поведение; ожидание или норма, которая является критерием оценки девиантного поведения, и некий другой человек, группа или организация, реагирующая на поведение. Для более

¹⁴ Бергер П., Бергер Б. Социология: биографический подход // Личностно-ориентированная социология. М., 2004. С. 307.

¹⁵ Смелзер Н. Социология. М., 1994. С. 203.

серьезных форм нарушения специалисты применяют дополнительные термины, а именно делинквентность и преступность.

В качестве сложного социального явления девиации определяются как нарушения социальных норм, которые характеризуются определенной массовостью, устойчивостью и распространенностью при сходных социальных условиях.

Дж. Массионис определяет девиантность как осознанное нарушение культурных норм. Поскольку ими направляется почти любая человеческая деятельность, понятие девиантности чрезвычайно емкое. Одной ее разновидностью выступает преступление – нарушение уголовного законодательства, официально принятого в обществе. Но даже криминальная девиантность охватывает широкий спектр поведения, начиная от мелких дорожно-транспортных нарушений и заканчивая изнасилованием и убийством.

В отличие от П. Бергера Дж. Массионис считает, что не всякая девиантность предполагает действие или даже выбор. Само существование некоторых категорий людей может быть тягостным для других. Пожилые люди кажутся молодым безнадежно «отставшими от реальности», а некоторые белые испытывают дискомфорт от одного лишь присутствия цветных. Физически здоровые люди часто считают инвалидов аут-группой – в точности так же, как богатые сторонятся бедных, ибо те не соответствуют их стандартам.

Хотя большинство людей значительную часть времени ведут себя в согласии с законами, таких людей нельзя считать абсолютно законопослушными, т.е. социальными конформистами. Так, проведенное в конце 1940-х гг. обследование жителей Нью-Йорка показало, что 99% горожан совершали правонарушения, пусть даже и незначительные и не всегда регистрируемые полицейскими (например, воровство в магазинах).

Как мы увидим в дальнейшем, существует множество объяснений причин девиантности, среди них есть и антропологические, психологические и социологические теории. Но даже в рамках этих направлений ученые по-разному истолковывают обстоятельства, способствующие возникновению девиаций. Так, теория аномии Э. Дюркгейма причину девиации видит в разложении системы ценностей, в связи с чем отсутствуют ясные социальные нормы, которыми руководствуются индивиды в своем поведении. Поэтому особенно остро девиации проявляются в переходный период раз-

вития того или иного общества. В таком же ключе объясняют возникновение девиаций К. Шоу и Г. Маккей: они свойственны тем обществам, в которых культурные ценности, нормы и социальные связи разрушаются, ослабевают. Американский социолог Роберт К. Мертон считал, что роль девиации возрастает, когда обнаруживается разрыв между одобряемыми обществом целями и социальными способами их достижения. Он применил эту идею, анализируя социальную действительность Соединенных Штатов Америки. Для большинства американцев жизненный успех превратился в культурно признанную цель. Но проблема в том, что не все могут этого добиться, так как условия неодинаковы.

Э. Сатерленд создал теорию дифференциальной ассоциации, судя по которой индивиды становятся правонарушителями из-за своего окружения, следующего девиантным моделям и методам. Этому принципа придерживается тюремное руководство, старающееся ограничить общение заключенных. Например, в Дании в местных тюрьмах чаще всего имеются одноместные камеры, реже – камеры, рассчитанные на двух человек. Если осужденный изъявляет желание отбывать наказание в условиях изолированного содержания, его просьба об этом в большинстве случаев удовлетворяется. Особенно это правило касается взаимодействия взрослых и несовершеннолетних преступников. Так, в той же Дании обязательным условием совместного содержания несовершеннолетних со взрослыми является возможность максимальной защиты несовершеннолетних от негативного влияния со стороны взрослых преступников.

Социологи, работающие в рамках теории стигматизации, в частности Г. Беккер, трактуют девиацию как клеймо, которое люди, имеющие авторитет, ставят на менее защищенные группы. В итоге нарушитель норм начинает согласовывать свои дальнейшие поступки с такими ярлыками, что порождает все новые и новые девиации.

Социальная норма

Исходным понятием для понимания отклонений является «норма», которая в переводе с латинского (*norma*) означает правило, образец. Наша жизнедеятельность превратилась бы в полную анархию, если бы индивиды не придерживались определенных

правил, регулирующих различные виды поведения. Когда мы начинаем изучение девиантного поведения, мы должны посмотреть, какие именно правила люди соблюдают, а какие нарушают. Э. Гидденс заметил, что никто не нарушает всех правил: даже люди, казалось бы находящиеся за пределами респектабельного общества, как, например, неоднократно ругаемые компьютерные хакеры или панки, обычно следуют правилам тех групп, членами которых они являются. Так, хакеры признают себя частью более широкого общества, придерживающегося определенных коллективных принципов и кодекса чести. Тех, чьи действия отклоняются от неформальных законов поведения, например, «взломщиков»-крэкеров, сообщество хакеров может подвергнуть остракизму¹⁶.

В науке сложилось наиболее общее для естественных и общественных дисциплин понимание нормы как пределов, меры допустимого. Это такие характеристики, «границы» свойств, параметров системы, при которых она сохраняется (не разрушается) и может развиваться. Как правило, трактовка нормы не вызывает споров в естественных науках, так как ее легко измерить (например, норма для температуры тела человека определяется от 36° С до 37° С). Сложнее обстоит дело с социальными нормами, так как они не бывают постоянными и складываются под влиянием общественных изменений, в связи с чем их иногда называют социальным «конструктом». Так, Я.И. Гилинский определяет социальную норму как исторически сложившиеся в конкретном обществе пределы, меру, интервал допустимого (дозволенного или обязательного) поведения, деятельности индивидов, социальных групп, социальных организаций¹⁷.

Поскольку наша жизнедеятельность многоаспектна, то в каждой сфере и области существуют свои нормы – экономические, социальные, политические, духовные, национальные, религиозные и т.д. По существу, каждая социальная, национальная, религиозная, даже профессиональная группа общества имеет свои нормы. Социальные нормы афроамериканцев отличаются от таковых белого населения США, нормы и традиции студенчества и профессуры также имеют свои отличия. Отдельно можно выделить социальные нормы молодежи, богемы, мигрантов и т.д.

¹⁶ Гидденс Э. Социология. М., 2005. С. 179.

¹⁷ Гилинский Я.И. Указ. соч. С. 29.

В то же время существуют нормы, общие для всех людей, независимо от национальной, социальной, религиозной, профессиональной или иной принадлежности, нормы, без которых человеческое сообщество перестает быть единым целым – общечеловеческие нормы или ценности. Общественное мнение может выражать свое отношение к социальным нормам через народное творчество: оно может выражаться в виде притч, пословиц, поговорок и басен (на чужой каравай рот не разевай; меньше знаешь – крепче спишь; от трудов праведных не наживешь палат каменных; работа не волк – в лес не убежит и т.д.).

Социальные нормы по аналогии с социальными институтами можно разделить на формальные (закрепленные в юридических законах, соблюдение которых гарантируется государственными органами) и неформальные (зафиксированы в обычаях, традициях, народном творчестве, соблюдение которых не гарантируется государством).

Я.И. Гилинский первым в отечественной науке заметил конструктивистский характер социальных норм, который начал формироваться в социологии со второй половины XX в. По его мнению, значительное количество социальных институтов и феноменов («фактов») не столько существуют объективно, сколько искусственно «сконструированы». Такие понятия, как «преступность», «организованная преступность», «наркотизм», «коррупция», «терроризм», «проституция» и множество других, являются социальными «конструктами»¹⁸. Процесс конструирования девиаций происходит при помощи политических решений, статистики, средств массовой информации и др. Например, преступность почти полностью конструируется контролирующими институтами, которые устанавливают нормы и приписывают поступкам определенные значения. Еще Диоген говорил, что если кто-нибудь будет расхаживать по улицам и указывать на все средним пальцем, то подумают, что он сошел с ума, а если – указательным, то нет.

В XVII в. в Англии нормы учреждали наиболее уважаемые члены пуританских общин. Любое поведение рассматривалось с точки зрения канонов Библии (выше мы уже приводили теологическую концепцию объяснения девиации). Людей могли привлечь к

¹⁸ Гилинский Я.И. Указ. соч. С. 24.

суду и публично наказать даже за такие кажущиеся нам незначительными проступки, как жизнь в одиночестве или неприличное поведение. Именно пуританство способствовало усилению в обществе сексуального ханжества, что в свою очередь привело к масштабному распространению проституции. В викторианскую эпоху действовала установка, что добропорядочность женщины определяется ее равнодушием к сексуальным ухаживаниям мужа. Добропорядочная женщина выполняла свой супружеский долг только с целью продолжения рода, в результате чего в городах процветала проституция.

Из-за конструктивизма нормы отклонения от нее очень относительны в обществе, так как эти понятия меняются от общества к обществу, от одного времени к другому. Ни одно действие человека не девиантно само по себе, оно всегда зависит от социального контекста. В Древнем Египте и Греции считалось тяжким преступлением оставить родителей без погребения. По древним еврейским законам преступлением было идолопоклонство, волшебство, вызывание духов, неповиновение родителям. Употребление наркотиков легально во многих азиатских странах, но запрещено в большинстве европейских; убийство является тягчайшим преступлением, но в случае самообороны за него не наказывают, а убийство противника на войне даже считается подвигом. В Канзасе проституция считается нелегальной и девиантной, в Рено она узаконена, но не вызывает одобрения, в Париже проституция легальна (узаконена) и не осуждается.

Кроме того, критерии девиантности меняются во времени даже в рамках одного и того же общества: легальное сегодня курение табака было запрещено в России даже в царствование первых Романовых. Курение было широко распространено в Европе после Второй мировой войны, сегодня же оно стало считаться одной из форм девиантного поведения. Курильщиков отождествляют с наркоманами, невротиками, а также с загрязнителями воздуха и виновниками пожаров, и многие курящие сами считают себя девиантами. Таким образом, США и Западная Европа постепенно исключают курение из нормальных форм поведения.

Впервые относительность девиаций была показана в книге П. Сорокина «Преступление и кара, подвиг и награда» (1913 г.). Он показал, что поступок воспринимается всеми членами общества

как подвиг или как преступление в том случае, если общество однородно, что не всегда возможно. Поэтому оценки одного и того же поступка в обществе могут быть диаметрально противоположными. Кроме того, Сорокин доказал, что героический поступок – убийство врага – строго карается законом в мирное время. В то же время не считается преступлением убийство по требованию закона и в состоянии необходимой обороны. Однако социологи должны стараться сохранять беспристрастное отношение к исследуемым действиям людей и их поведению в целом.

Относительность социальных норм и девиаций, их изменчивость выражается в характерной черте девиантного поведения – культурном релятивизме. Это означает, что социальная норма, принятая конкретными обществом, группой или социальной стратой, представляет собой не абсолютное, а относительное явление. То, что в одной группе может считаться отклонением, в другой может восприниматься как норма. Так, например, распитие алкогольных напитков или танцы в автобусе считаются девиацией, а то же самое действие в ресторане оценивается как приемлемая форма поведения и не вызывает негативной реакции. Партнерство гомосексуалистов еще в XIX в. рассматривалось как серьезное нарушение общественных норм, и с точки зрения правил того времени такое явление оценивалось как индивидуальная девиация. В настоящее время сожитительство гомосексуалистов воспринимается как альтернатива браку, оно легализовано и даже официально регистрируется в некоторых европейских странах. В то же время партнерство гомосексуалистов вызывает негативную реакцию со стороны большей части российского общества, а также обществ с мусульманской культурой. Такое явление, как многоженство, запрещено в США, Европе, но разрешено в странах Ближнего Востока и практикуется у мормонов в Северной Америке. В первобытных обществах из-за материальных проблем стариков часто бросали на произвол судьбы, что считалось в пределах нормы, но в современном обществе данный поступок считается девиантным.

Кроме того, стоит отметить, что культурный релятивизм может быть сравнительной характеристикой не только двух разных обществ или эпох, но также нескольких больших социальных групп внутри одного общества. Э. Гидденс приводит характерный пример с Кевином Митником, которого характеризовали как «самого

знаменитого компьютерного хакера в мире»¹⁹. Тридцатилетний житель Калифорнии Митник вызывал в равной мере и восхищение, и презрение: для 100 тыс. компьютерных хакеров, существующих в мире, Митник – гениальный новатор, которого несправедливо и безосновательно осудили в США на несколько лет тюрьмы. Что же касается американских властей и корпораций, таких как «Сан Майкросистемс», «Моторола» и «Нокиа», то для них Митник – один из самых опасных людей в мире. Он был арестован Федеральным бюро расследований (ФБР) США в 1995 г. и позднее осужден за хищение основных кодов и кражу у этих и других компаний программного обеспечения стоимостью, как утверждалось, в многие миллионы долларов.

В качестве примера культурного релятивизма можно привести недавние события в Эстонии вокруг памятника советскому солдату. Борьба вокруг памятника не только окончательно расколола эстонское общество на коренных жителей и русскоязычную диаспору, но и вылилась в массовые протесты последней. Выступления русскоязычных жителей Эстонии за сохранение памятника были поддержаны в России как государственными органами, так и обществом в целом. Аналогичные мнения высказывали и представители других европейских стран. В то же время в самой Эстонии выступавшие были задержаны и идентифицированы как преступники, а многим из них даже грозит депортация.

По мнению Я.И. Гилинского, огромная роль в такой «конструкторской» деятельности принадлежит политическому режиму²⁰. Автор рассматривает это на примере «девиантизации» некоторых явлений политическим режимом советского государства. После октябрьских событий 1917 г. новая власть с целью заручиться поддержкой студенчества и интеллигенции сохраняла имидж демократичности. Так, в 1920-е гг. вполне терпимо воспринимали проституцию, была отменена уголовная ответственность за гомосексуальную связь, не существовало запрета на оборот наркотиков. Меры социального контроля были мягкими: например, для проституток они сводились в основном к попыткам реабилитации женщин через образовательные программы.

¹⁹ Гидденс Э. Указ. соч. С. 178.

²⁰ Гилинский Я.И. Указ. соч. С. 26.

С утверждением в стране тоталитарного режима принципиально меняется отношение к девиантам: в 1934 г. вводится уголовная ответственность за мужской гомосексуализм, устанавливается уголовная ответственность за посевы опийного мака и индийской конопли.

Тот факт, что в обществе существует контроль за исполнением социальных норм и различные формы наказания для тех, кто их не выполняет, доказывает, что общество не всегда им соответствует. Если бы никто не совершал правонарушений, не было бы необходимости в законе, запрещающем это. Даже если бы существовало нечто похожее на идеальное общество, оно не могло бы надолго оставаться совершенным. Эмиль Дюркгейм в 1938 г. выразил эту мысль следующим образом: «Представьте себе общество святых, напоминающее образцовый монастырь, где живут идеальные люди. В нем и понятия не имеют о том, что мы называем преступлением, но проступки, которые кажутся незначительными рядовому мирянину, могут вызвать среди них такой же скандал, какой обычно возникает по поводу преступления среди ординарных людей, которым свойственно конформное понимание жизни»²¹.

Однако нельзя сводить все понимание девиаций только к чисто релятивистским положениям, к признанию полной относительности в характеристике любого вида поведения. Существуют поведенческие акты, которые практически в любом обществе будут считаться девиантными. К ним, в частности, относится кровосмешение, а также похищение или изнасилование замужней женщины.

Социальные девиации реализуются в конечном счете через человеческую деятельность – девиантное поведение. В современной науке существует целый ряд определений девиантного поведения. Так, по мнению А. Коэна, девиантное поведение – это такое поведение, которое идет вразрез с институционализированными ожиданиями, т.е. с ожиданиями, разделяемыми и признаваемыми законными внутри социальной системы. Э. Дюркгейм рассматривал его как общественную аномию, характеризующуюся состоянием отсутствия ценностей на стыке между изжитой старой и несформировавшейся неорганической новой структурой норм и ценностей. Э. Гидденс определяет девиантное поведение как несоответ-

²¹ Массионис Дж. Социология. СПб., 2005. С. 514.

ствие данной совокупности норм, которая принята значительным числом людей в группе или обществе. С похожих позиций трактуют его В.И. Добренков и А.И. Кравченко: совершение поступков, которые противоречат нормам социального поведения в том или ином сообществе. Р. Макайвер связывал девиантное поведение с ослабленными социальными и эмоциональными контактами. С точки зрения криминолога В. Фокса, отклоняющееся поведение – это правовое определение недопустимого поведения индивида или группы, которое существенно отличается от ожидаемого и тем самым нарушает нормальное функционирование общества или традиционные представления и чувства.

Ни одно общество, как уже подчеркивалось, невозможно разделить сколько-нибудь простым способом на тех, чье поведение отклоняется от норм, и тех, чье поведение соответствует им. Большинство из нас в тех или иных случаях нарушают общепринятые правила поведения, даже не осознавая этого. Скажем, до сих пор в современном российском обществе осуждаются женщины, предпочитающие карьеру семье. Более высокая зарплата жены окружающим также может показаться ненормальным явлением, так как муж испокон веку – главный производитель материальных ценностей.

Как мы уже отмечали выше, девиантное поведение в литературе часто оценивается как негативное явление, что связано с узкой трактовкой девиации. Однако помимо негативного смысла у девиантности существует и позитивный. Так, Я.И. Гилинский относит к позитивным девиациям различные формы социального творчества (научного, технического, художественного и др.). В последних новаторство неразрывно связано с преодолением, нарушением существующих норм, типов деятельности. К девиантам также можно отнести политических новаторов, великих полководцев, «хиппи» и т.п. Позитивные девиации часто являются источником социальных изменений, приводящих к социокультурным течениям.

Понятие девиантности может относиться не только к поведению отдельного человека, но и к поступкам целых групп людей. Иллюстрацией может служить гайанская трагедия – коллективное самоубийство 912 членов секты «Народный храм». Группа людей под руководством Джима Джонса строила в джунглях Гайаны (Южная Америка) «идеальный город», а затем по его приказу совершила самоубийство через отравление или с помощью огне-

стрельного оружия. При этом большинство сектантов были добровольно убиты (не оказали сопротивления охранникам Джонса).

Коллективные самоубийства сектантов станут печальным символом конца XX в. Так, в 1993 г. приверженцы культа «Ветвь Давида» вступили в смертельное противоборство в штате Техас с федеральными властями после того, как им предъявили обвинение в жестоком обращении с детьми. Самоуничтожению подверглись 82 человека. В 1994 г. в Швейцарии были найдены тела 48 покончивших с собой через сожжение членов секты «Орден Храма Солнца». Одновременно в Канаде, в Сэн Савер, в пятидесяти милях к северо-западу от Монреаля, были обнаружены еще 5 жертв, среди них новорожденный ребенок. Всего же за 1994 – 1997 гг. покончили жизнь самоубийством 74 члена ордена в Швейцарии, Канаде и Франции. В 1997 г. в Сан-Диего покончили жизнь самоубийством 39 членов секты «Небесные врата».

Однако коллективные самоубийства встречались в истории и ранее. Так, в 1244 г. массовое самоубийство совершили более 200 катаров из крепости Монсегюр. В России наиболее известны случаи самоубийства среди старообрядцев, первое из которых было зафиксировано в Нижегородском уезде в 1672 г., жертвой которого стали 2 тыс. человек.

Еще И.А. Сикорский в анализе коллективных самоубийств подчеркивал крайне негативную роль так называемых учителей, которым удалось объединить с целью совершения самоубийства людей психопатического типа. При этом учителя, как правило, в подобных актах не участвовали, приберегая себя для дальнейшей религиозной деятельности.

Форма ответной реакции общества на тот или иной вид девиации должна зависеть от того, какие (по степени важности) социальные нормы нарушаются: общечеловеческие, расовые, классовые, групповые, индивидуальные. О.С. Осипова выделяет следующие зависимости²²:

- Чем важнее те социальные нормы и ценности, которые нарушаются, тем решительнее должны быть действия государства. Самая почитаемая ценность – естественные права человека.

²² Осипова О.С. Девиантное поведение: благо или зло? // Социологические исследования. 1998. № 3. С. 109.

- Чем более низкий уровень социальных норм нарушается, тем больше упор должен делаться на неформальные меры социального контроля (социальное вознаграждение или порицание, убеждение и т.д.).

- Чем сложнее социальная структура общества, тем многообразнее должны быть формы социального контроля.

- Чем более низкий уровень социальных норм нарушается человеком, тем терпимее должна быть реакция на его действия.

- Чем демократичнее общество, тем больше акцент должен делаться не на внешний социальный, а на внутренний личностный самоконтроль.

Социологическая мысль по-разному оценивает девиации, находя в них и положительные, и отрицательные стороны. Так, Дюркгейм считал, что девиации способствуют сохранению социального порядка. В частности, преступление оказывает важную услугу тем, что генерирует социальное согласие в оппозицию к нему. Все члены общества объединяются, чтобы выразить свое возмущение преступлением, тем самым развивая между собой более тесные связи. Благодаря групповому консенсусу усиливается социальный порядок. Когда девианты наказаны, у граждан формируется солидарная общность, которая усиливает их верования. Неисправимые девианты подвергаются тюремной изоляции или госпитализации. Они служат уроком для других. Наказание за правонарушение укрепляет нормы и правопорядок. Таким образом, девиация выполняет две функции: объединение группы и установление границы между приемлемым и неприемлемым. В то же время еще Э. Дюркгейм установил, что в трущобах крупных городов отклоняющееся поведение встречается чаще, чем в городе и в стране в целом. При этом он считал, что этот объем определяется не местом проживания, а социальным составом населения и социальной средой его проживания.

Задание на семинарское занятие

Напишите эссе по следующим вопросам:

1. Как можно было бы интерпретировать действия человека, получившего ярлык «девиантный», так, чтобы они отличались от действий «нормального» человека?

2. Проанализируйте две пословицы с точки зрения неформальной социальной нормы.

3. Почему поступок Жанны Д'Арк был расценен первоначально как девиация, а затем – как героический поступок?

4. Проанализируйте статью: Вингендер И. Аномия и девиация в венгерском обществе // Социологические исследования. 2001. № 5. Проведите параллель с ситуацией в России.

5. Прочитайте литературу, представленную в списках 1 и 2.

Глава 2. Биологическое (антропологическое) направление объяснения девиантности

Теория Ч. Ломброзо о «прирожденном преступнике»

В рамках позитивизма девиантологическая мысль развивалась в трех основных направлениях: биологическом (антропологическом), психологическом и социологическом. В отличие от многих других отраслей социологического знания, в анализе девиантного поведения ни одна из теорий не стала доминирующей, и для девиантологии по-прежнему во многом характерен плюрализм теоретических разработок.

Первые научные попытки объяснения девиантного поведения (особенно преступлений) по своему характеру были преимущественно биологическими, исходя из которых причину девиантного поведения искали во врожденных свойствах человека. Данное направление обращает внимание на так называемый природный, антропологический, физический фактор, предрасположенность людей к различным формам девиантного поведения (это могут быть черты лица, особенности телосложения, генное измерение и т.д.).

На роль родоначальника антропологического направления большинство ученых выдвигают Ч. Ломброзо (1836 – 1909 гг.) – тюремного врача из города Турина. Стоит отметить, что решающую роль в интеллектуальном формировании Ломброзо сыграла философия позитивизма, утверждавшая приоритет научного зна-

ния, полученного экспериментальным путем. Свои первые антропометрические исследования он провел будучи военным врачом еще в 1860-х гг. в ходе кампании против бандитских формирований в Южной Италии. Ломброзо с помощью статистики удалось собрать большой материал, который касался социальной гигиены и криминальной антропологии. На основе собранного материала Ломброзо делает заключение, что отсталые социально-экономические условия жизни в Южной Италии обусловили воспроизводство там анатомически и психически аномального типа людей, антропологической разновидности, нашедшей свое выражение в преступной личности – «человеке преступном».

Помимо исследований в области криминальной антропологии Ломброзо известен также своими исследованиями политической преступности – «Политическая преступность и революция» (1890 г.), «Анархисты. Криминально-психологический и социологический очерк» (1895 г.), «Гениальность и помешательство» (1897 г.).

Идеи Ломброзо по криминальной антропологии завоевали широкую известность в России. Они представлены многочисленными как прижизненными, так и посмертными русскими изданиями его научных сочинений, а в 1897 г. Ломброзо, участвовавшему в съезде русских врачей, был оказан восторженный прием в России. Однако в правовой науке советской России термин «ломброзианство» подвергался критике, особенно учение Ломброзо о прирожденном преступнике. По мнению советских юристов, оно противоречило принципу законности в борьбе с преступностью, имело антинародную и реакционную направленность, поскольку осуждало революционные действия эксплуатируемых масс.

Всего за свою многолетнюю практику тюремного врача Ломброзо исследовал свыше одиннадцати тысяч заключенных. С помощью антропологических методов он измерял различные параметры строения черепа многочисленных заключенных, их вес, рост, длину рук, ног, туловища, строение ушей и носов, а при вскрытии умерших – строение и вес внутренних органов. Свое главное открытие Ч. Ломброзо описывает вполне поэтически: «Внезапно однажды утром мрачного декабрьского дня я обнаружил на черепе каторжника целую серию атавистических ненормальностей, ... аналогичную тем, которые имеются у низших жи-

вотных. При виде этих странных ненормальностей – как будто бы ясный свет озарил темную равнину до самого горизонта – я осознал, что проблема сущности и происхождения преступников была разрешена для меня»²³.

Результаты исследований и выводы о «прирожденном» преступнике, отличающемся от других людей чертами «вырождения», нашли свое отражение в труде Ч. Ломброзо «Преступный человек» (1876 г.). Он рассматривал преступника как атавистическое существо, которое воспроизводит в своей личности яростные инстинкты первобытного человечества и низших животных. Теория «преступного атавизма» предполагает, что преступникам присущи физические аномалии, которые делают их похожими на наших отдаленных предков. Эти остатки ранних ступеней человеческой эволюции выражаются в физических особенностях врожденных преступников, поэтому прирожденного преступника легко отличить от остальных людей по внешнему виду: у него большие челюсти, крупные клыки, приплюснутый нос и лишние зубы (двойные ряды, как у змей), приросшие мочки ушей. Более того Ломброзо считал, что подобные аномалии организма передаются по наследству и, следовательно, преступность также передается по наследству, ибо преступность представляет собой отражение изъянов организма.

Он создал целую серию «портретов» различных преступников – убийц, грабителей, воров, насильников, поджигателей и др. Разработанная им классификация преступников включала пять типов: прирожденные, душевнобольные, по страсти (включая политических маньяков), случайные, привычные. У прирожденных преступников сильно развито тщеславие, цинизм, отсутствует чувство вины и способность к раскаянию, угрызениям совести, присутствует агрессивность, мстительность, склонность к жестокости и насилию. До сих пор на медицинском факультете Римского университета можно увидеть длинную галерею безобразных правонарушителей, помещенных туда в свое время для иллюстрации теорий Ломброзо.

По Ломброзо, преступники не достигли полного развития как человеческие существа, и их действия обычно не соответствуют установлениям человеческого общества. Ломброзо и его последо-

²³ Гишинский Я.И. Указ. соч. С. 69.

ватели считали, что прирождённые преступники составляют до 40% общего числа преступников (остальные – случайные преступники). Он признавал, что социальные условия могут влиять на развитие криминального поведения, но считал большинство преступников с биологической точки зрения дегенеративными и умственно отсталыми. Таким образом, прирожденная преступность первоначально объяснялась атавизмом: преступник понимался как дикарь, который не может приспособиться к правилам и нормам цивилизованного сообщества.

Исследователь предлагал практические меры борьбы с преступностью, в число которых входят своевременное обнаружение с помощью разработанных им таблиц внешних признаков всех «врожденных» преступников до того, как они совершат преступление, и немедленное лечение тех из них, кто поддается лечению, а также пожизненное заключение или физическое уничтожение тех, кто ему не поддается. Такая позиция означала отказ от законности в борьбе с преступностью, и в этом прежде всего заключается реакционность антропологической школы.

Однако дальнейшие обследования преступников, в том числе и в России, не подтвердили выводов Ломброзо. Первые же проверки таблиц Ломброзо показали, что наличие у преступников особых физических черт, отличающих их от всех остальных современных людей и сближающих их с первобытным человеком, не более чем миф. Так, еще в 1913 г. английский криминолог Ч. Горинг осуществил сравнительное исследование трех тысяч человек – заключенных (основная группа) и учащихся Оксфорда, Кембриджа, колледжей, военнослужащих (контрольная группа). Результаты не выявили значимых различий между группами и были опубликованы в книге «Заключенный в Англии». К аналогичным выводам пришел и В. Хили в 1915 г. Патологоанатом Д.Н. Зернов на основании специально проведенных проверочных исследований также пришел к выводу, что прирожденного преступника не существует. Наличие его не удалось подтвердить и квалифицированными изысканиями в области анатомии.

Владея большим фактическим материалом, Ломброзо выявил, что некоторые преступления носят сезонный характер, и предположил, что гомосексуализм является фактором, способствующим совершению преступления, что было позже опровергнуто.

Чисто биологическими причинами объясняли Ломброзо и его сторонники и проституцию. Так, в работе «Женщина – преступница и проститутка» после экскурса в историю проституции и анализа ее исторических типов (гостевой, придворный, гражданский и т.д.) Ч. Ломброзо и Г. Ферреро классифицировали проституток на врожденных и случайных. Врожденные проститутки обладали «дегенеративными и атактистическими признаками», так называемым «нравственным помешательством». Как и в случае с прирожденным преступником, ученые составили своеобразный портрет прирожденных падших женщин: у них большие размеры головы, вес тела не пропорционален росту, и вообще строение тела у проституток в целом имеет большее количество несоответствий (мужская гортань, сильно развитые челюсти и скулы, особенности аномалии зубов).

В антропологической теории также определены характерологические особенности проститутки и свойственные ей патологические личностные черты: у них не развито чувство любви, привязанность к родителям и близким родственникам, но им свойственна ревность и мстительность.

По аналогии с прирожденным преступником Ломброзо описывает и случайные причины падения девушек. К ним он, в частности, относил обман и изнасилование, нищету и дурные примеры. Говоря о малочисленности таких примеров, Ломброзо ссылается на исследования Паран-Дюшатле, который из 5 144 опрошенных проституток нашел только 89, избравших себе это печальное ремесло с целью поддержать своих старых и больных родителей или же чтобы дать средства к существованию своей многочисленной семье; все же другие вступали на путь разврата вследствие нищеты, измены любовников или же, наконец, того, что детьми были покинуты и заброшены своими родителями.

Но даже объективные причины падения не спасли их от ярлыков, наклеенных представителями антропологического направления: они также считались ненормальными в психическом и моральном отношениях личностями, в противном случае данные женщины смогли бы противостоять случайным обстоятельствам, описанным выше.

Ломброзо отмечает: «Конечно, для многих бедность и отсутствие родительского надзора являются лишь случайными поводами к проституции; истинная же причина ее кроется в отсутствии у них

чувства стыдливости и в нравственном идиотизме, благодаря чему девушка сперва падает, а затем постепенно доходит до дома терпимости. Особенно это относится к тем несчастным, которые лишены родительского надзора. Женщина со страстным темпераментом, сделавшая из-за любви неправильный шаг и затем покинутая своим вероломным любовником, скорее наложит на себя руки, чем станет проституткой. Как бы велика ни была нищета, в которой она находится, она не вступит на путь разврата, если у нее не развито от природы слишком слабо чувство стыдливости или если у нее нет особенной склонности к грубым наслаждениям и роскошной жизни»²⁴.

Однако рассуждения Ломброзо и его сторонников сразу же подверглись критике по многим направлениям. Прежде всего, его исследования по проституции основывались на очень узком статистическом материале, и маленькая выборка не позволяла выводам обрести объективность. Кроме того, многие ученые уже тогда признавали, что мстительность присуща не только врожденным проституткам, но и обыкновенным женщинам. Против отсутствия материнского чувства у падших женщин всегда возражал А. Паран-Дюшатле в своей работе «Проституция в Париже».

Интересно, что сам Ломброзо в своем труде изучает позицию Паран-Дюшатле: «...однако Parent-Duchatelet иного мнения насчет проституток. По словам этого лучшего знатока их, отдавая должное на каждом шагу, приходится наблюдать, что беременная проститутка становится предметом заботливого ухода для ее товаров, внимательное отношение которых еще удваивается, когда она разрешается от своего бремени. Между ними происходят вечные споры то из-за белья для новорожденного, то из-за различных мелочей для родильницы, которой каждая старается наперебой в чем-нибудь услужить. Когда мать держит при себе ребенка, товарки ее постоянно так вмешиваются в заботы ее о нем, что она должна нередко только из-за этого отдавать его в чужие руки»²⁵.

Взгляды итальянских исследователей в России разделял профессор Императорской военно-медицинской академии

²⁴ Ломброзо Ч. Женщина – преступница и проститутка. Минск, 2000. С. 115.

²⁵ Ломброзо Ч. Указ. соч. С. 170.

В.М. Тарновский. Он утверждал, что предрасположенность к пороку является генетической особенностью проституток. «Уничтожьте пролетариат, распустите армию, сделайте образование доступным, дайте возможность вступить в брак всем желающим, гарантируйте им спокойствие в семейной жизни и убедите всех жить нравственно, честно, по закону христианскому, и тогда... и тогда все-таки будет существовать проституция... Под той или иной формой она существовала и будет существовать во всех культурных обществах»²⁶.

Мы же не удивляемся, что есть худощавые и толстые люди и последние чаще всего болезненно переедают. Так вот есть и сексуальные обжоры, это результат естественного процесса генетической патологии, поэтому проституция, как и разврат, будет существовать вечно. Тарновский приводил множество примеров из нашей и зарубежной жизни, когда попытки помочь женщинам покинуть мир разврата ни к чему не приводили, они бросали налаженный быт и работу и вновь уходили на панель²⁷.

По мнению В.М. Тарновского, прирожденная проститутка может родиться в любой социальной среде, в любом случае она всегда найдет возможность потерять честь, как только у нее пробудится половой инстинкт, после чего постепенно перейдет к активным занятиям проституцией.

Как и Ломброзо, Тарновский допускал, что определенные социальные причины – экономические, бытовые, социальные – при случае могут «сформировать» случайных проституток. Именно этот «случайный» и малочисленный элемент в проституции бывает носителем самоубийств, поджогов публичных домов, попыток бежать из них и жалоб властям на их содержательниц, так как проститутки чувствуют ненормальность своего ремесла²⁸.

Во многом на взгляды Тарновского повлияло антропометрическое исследование проституток, проведенное его женой, врачом-психиатром П.Н. Тарновской. В выборку ее исследования вошли 150 проституток низшего разряда, с одной стороны, и 100 сельских работниц и 50 городских интеллигентных женщин – с

²⁶ Голосенко И.А. Указ. соч. С. 217.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 218.

другой. Тарновская выявила признаки вырождения у 14% крестьянок, у 2% горожанок, а у проституток – 82,64%.

Тарновская, так же как и Ломброзо, выделяет у женщин этого типа общие антропологические и психологические признаки: развитые лобные пазухи, тучность, преждевременную половую зрелость, аномалии рефлексов (главным образом пониженные), ничтожное умственное развитие, притупление органов чувств, бедный эмоциональный мир, погашенное материнское чувство, наследственный алкоголизм, отсутствие стыдливости, лживость, тщеславие, нерасчетливость, моральную неразвитость. Особенно много она рассуждает об отсутствии материнской любви, полагая, что для них дети – это бремя и что женщины во время беременности делают невозможное, чтобы от них избавиться.

Исследования Тарновской были широко известны и обсуждались не только в России, но и за границей. Ссылается на них в своей книге и Ломброзо: «Уже Тарновская указала на аналогию, существующую между нравственно помешанными и проститутками, а более точное исследование многих индивидуальных случаев привело к заключению, что нравственное помешательство настолько частое явление среди последних, что обуславливает даже между ними преобладающий тип. Доказательством этого является, с одной стороны, отсутствие у врожденных проституток самых естественных чувств, как, например, привязанности к родителям и сестрам, а с другой – их преждевременная испорченность, ревность и беспощадная мстительность»²⁹.

Взгляды Ломброзо были в целом опровергнуты еще при его жизни, но сходные с ним идеи высказывались неоднократно вновь и вновь. Ученики Ч. Ломброзо и его соотечественники Э. Ферри и Р. Гарофало также признавали роль биологических, наследственных факторов. Э. Ферри одной из главных заслуг Ломброзо перед уголовной антропологией считал то, что он внес свет в исследование современного преступного человека, указав, что такой человек вследствие ли атавизма, вырождения, остановки в развитии или иного патологического условия воспроизводит органические или психические свойства примитивного человека. В качестве доказательства идеи прирожденного преступника он приводит результа-

²⁹ Ломброзо Ч. Указ. соч. С. 180.

ты собственного исследования: «Когда я исследовал одного за другим 700 солдат сравнительно с 700 преступниками, то однажды передо мной и перед врачом, присутствовавшим при этом исследовании, предстал солдат с ясно выраженным типом прирожденного убийцы, с огромными челюстями, с чрезвычайно развитыми височными костями, с бледным и землистым цветом лица, с холодной и свирепой физиономией. Хотя я и знал, что в армию не допускаются лица, осужденные за важные преступления, я все-таки рискнул сказать майору, что человек этот, должно быть, убийца. Немного спустя на мои косвенные вопросы этот солдат ответил, что он отсидел 15 лет в тюрьме за убийство, совершенное им в детстве. Майор посмотрел на меня с большим удивлением, а я сказал себе: пусть теперь критики, никогда не производившие исследований самого преступника, рассуждают без всякого толка о том, что уголовная антропология не обоснована!

Точно так же в 1889 г. в исправительном заведении в Тиволи директор сказал нам, что в нем содержатся лишь маленькие бездельники и нет детей, осужденных за важные преступления; тем не менее я указал моим ученикам, среди которых находился Сигем, на одного мальчика с необыкновенно развитыми клыками и другими признаками вырождения как на прирожденного убийцу. После расспросов выяснилось, что он находится здесь временно, что он послан в Generate в Турин для отбытия наказания за то, что в возрасте 9 лет убил своего маленького брата, разможив ему голову камнем.

В Париже, в убежище св. Анны, во время уголовно-антропологического конгресса, в присутствии Тарда, Лакассаня и Бенедикта я отличал по очертаниям головы среди дегенератов, показанных нам Маньяном, насильников (убийц) от воров»³⁰.

Критиков антропологической теории (а таких было немало) Ферри обвиняет в неумении исследовать специфические черты преступников: поскольку они были юристами, а не антропологами, они не обладали соответствующим научным исследовательским опытом.

Как утверждали Ферри и его последователи, уголовная ответственность должна базироваться не на принципе свободной воли, а

³⁰ Ферри Э. Уголовная социология. М., 2005. С. 81.

на нуждах общества. Следует обращать внимание не на вину человека, а на его потенциальную опасность для общества. По мнению Ферри, наказание должно выполнять чисто предупредительную, оборонительную функцию. Он выделял уже несколько причин преступлений: антропологические (органическое строение, психика человека, личные свойства преступника), физические (причины среды – климат, время года, и т.п.) и социальные (густота населения, религиозные воззрения, алкоголизм, экономическая и политическая система, система уголовного и гражданского законодательства) детерминанты.

Стоит отметить, что Ферри придавал большое значение превентивным мерам (улучшению условий труда, быта и досуга, освещению улиц и подъездов, условиям воспитания и т.п.), считал, что государство должно стать инструментом улучшения социально-экономических условий.

Он различал пять типов преступников:

- прирожденных;
- «преступников вследствие безумия», психопатов и иных, страдающих психическими аномалиями;
- преступников из страсти;
- случайных;
- привычных.

По мнению Ферри, прирожденные и привычные преступники составляют от 40 до 50% всей массы преступников. Категорию прирожденных преступников он характеризует как людей диких и жестоких или ленивых и плутоватых, которые не способны отличить убийство, воровство, вообще преступление от любого честного ремесла. «Они бывают "преступниками, как другие бывают хорошими рабочими"; их мысли и чувства относительно преступления и наказания совсем противоположны тем, которые предполагает у них законодатель или криминалист. На них, как говорил Романьози, отбытое наказание действует меньше, чем страх ожидаемого наказания; первое даже вовсе не имеет на них влияния, так как они смотрят на тюрьму как на убежище, где они обеспечены пищей, особенно зимой, без необходимости слишком много трудиться, даже сидя чаще сложа руки; самое большее, они считают наказание риском своего ремесла, подобным риску, связанному со многими честными ремеслами вроде, например, риска упасть с

лесов, которому подвергаются каменщики, или риска столкновения поездов, которому подвергаются кочегары. Именно они вместе с привычными преступниками составляют под видом двух типичных и противоположных групп – убийц и воров кадры тех преступников, которые, не успев выйти из тюрьмы, становятся рецидивистами, кадры постоянных пансионеров всех домов заключения, хорошо известных и судьям, и тюремщикам; им приходится в течение их жизни отбывать 10, а то и 20 судебных приговоров, если только они не совершили ни одного крупного преступления; и с ними-то законодатель, закрывая глаза на данные повседневного опыта, продолжает вести бесполезную и дорогостоящую борьбу, угрожая им за постоянно повторяемые преступления карой, которой никто не боится»³¹.

Несмотря на явную заинтересованность этой группой, Ферри дает характеристику и остальным категориям преступников. Среди помешанных его больше всего интересуют нравственно помешанные, у которых отсутствует или атрофировано «нравственное чувство». Помимо нравственно помешанных, как повествует Ферри, существует целая масса несчастных, больных самой обыкновенной, более или менее очевидной формой умственного расстройства и совершающих в этом болезненном состоянии часто самые ужасные преступления, например, под влиянием мании преследования, буйного помешательства, эпилепсии и т.д.

Привычные преступники, по мнению ученого, всецело предаются преступлению, приобретают к нему хроническую привычку и делают из него настоящую профессию. Основную причину девиантного поведения этой группы людей он видит в том, что общее заключение калечит их физически и нравственно; они «тупеют» под влиянием одиночного заключения или грубеют под влиянием алкоголизма. Ферри делает очень важный и необычный для своего времени вывод: данная категория совершает преступление потому, что общество оставляет этих людей без помощи после выхода на волю, подобно тому как оно не поддерживало их и до заключения, обрекая тем самым на нищету, безделье и искушения. Именно на реадaptацию бывших заключенных направлены усилия современной европейской постпенитенциарной психологии, которая боль-

³¹ Ферри Э. Указ. соч. С. 152.

шое внимание уделяет выработке технологий адаптации и реабилитации осужденных.

Преступники из страсти, по Ферри, являются особенно резко выраженной разновидностью случайных преступников. К ним относятся люди сангвинического или нервного темперамента с повышенной чувствительностью. Чаще всего они совершают преступление в молодом возрасте под влиянием внезапного взрыва страсти, гнева, неудовлетворенной любви, оскорбленного чувства. Совершению преступления предшествует сильное волнение будущего преступника, в силу которого он совершает его открыто и часто посредством плохо выбранных средств. Среди других характерных признаков, свойственных преступникам по страсти, Ферри отмечает их полное признание в своей вине, глубокое раскаяние, доводящее нередко до самоубийства.

У случайных преступников, по мнению Ферри, нет природной склонности к преступлению, но они совершают его под влиянием различных соблазнов. Однако ученый настаивает, что одних внешних стимулов для совершения девиантного поступка было бы недостаточно, если бы им не содействовало некоторое внутреннее предрасположение. «Так, например, во время голода или очень суровой зимы далеко не все занимаются воровством; но одни предпочитают бедствовать, оставаясь честными, другие, самое большее, пойдут просить милостыню; и даже среди тех, кто решается на преступление, одни ограничиваются простым воровством, а другие доходят до кражи с насилием и с оружием... однако между случайным и прирожденным преступником все-таки есть то основное различие, что для последнего внешние причины являются стимулом второстепенным по сравнению с внутренней склонностью к преступному поведению, заставляющей его искать случая совершить преступление и совершать последнее, между тем у первых наблюдается скорее слабая сопротивляемость внешним стимулам, которые вследствие этого приобретают значение главной определяющей силы»³².

Вслед за Ломброзо Ферри предлагает практические меры для системы наказания (он называл их реформами), так как, по его мнению, современные ему уголовные уложения для охраны обще-

³² Ферри Э. Указ. соч. С. 163.

ства от преступлений были неэффективными. Он настаивает, что меры обороны общества от преступлений должны быть приспособлены к антропологическим категориям преступников, отрицая тем самым идею единого наказания.

Как указывает известный криминолог А.М. Яковлев, антропологическая концепция стала проникать в практику уголовной юстиции. Барон Рафаэль Гарофало, видный судья суда уголовной апелляции города Неаполя, подверг в 1914 г. резким нападкам пропорциональность наказания, или, другими словами, обязательность того, чтобы тяжесть наказания соответствовала тяжести преступления, что он пренебрежительно охарактеризовал как «тарифную систему наказания». По его мнению, невозможно установить реальную тяжесть преступления: «Существует слишком много элементов, которые следует принимать при этом в рассмотрение. Мы должны учесть и материальный вред, и степень безнравственности преступного действия, его опасность и степень возбуждаемой им тревоги. По какому праву можем мы выделить какой-либо один из этих элементов и игнорировать другие?»³³. Взамен всего этого Гарофало предложил учитывать только степень вреда, причинение которого можно ожидать от преступника или, другими словами, степень его способности к преступлению.

Теория конституциональной предрасположенности

Биологическое, или антропологическое, направление не исчерпывается ломброзианством. Большую известность получили теории, объясняющие девиации особенностями телосложения. По мнению немецкого психиатра Э. Кречмера и его последователей (прежде всего – американского криминолога У. Шелдона), прослеживается связь между типом строения тела, характером человека, а следовательно, и его поведенческими реакциями, включая девиантные.

Остановимся подробнее на идеях У. Шелдона. Известный американский психолог, в середине XX в. он подчеркивал важность строения тела и особенностей фигуры в прогнозировании крими-

³³ Яковлев А.М. Указ. соч. С. 45.

нальности человека. При этом он проводил параллели с собаками: у собак некоторых пород имеется склонность следовать определенным образцам поведения. Так и у людей определенное строение тела означает присутствие характерных личностных черт.

Шелдон является автором «теории конституциональной предрасположенности», согласно которой высокие и худые люди – эктоморфы (отличаются тонкостью и хрупкостью тела) – чаще будут робкими, заторможенными, склонными к одиночеству, интеллектуальной деятельности, к самоанализу, наделены повышенной чувствительностью. Сильные, мускулистые мезоморфы (отличаются силой и стройностью) – динамичные, стремятся к господству, не проявляют особой чувствительности. Невысокие, полные эндоморфы (люди с мягким и несколько округлым телом) – общительны, спокойны, веселы. Опираясь на исследование поведения двухсот юношей в центре реабилитации, Шелдон сделал вывод, что наиболее склонны к девиации мезоморфы.

Но идеи связать потенциальную преступность с телосложением также вызвали резкую критику со стороны ученых. Во-первых, можно предположить, что люди, отличающиеся мускулистностью, предпочтут криминальную деятельность всем другим, так как они могут реализовать и продемонстрировать свою силу и ловкость. Но авторы теории так и не нашли доказательств, что склонность к правонарушениям наследуется. Во-вторых, исследования в этой области были ограничены изучением правонарушителей в исправительных колониях. В-третьих, Э. и Ш. Глюк, известные своими исследованиями в области несовершеннолетней преступности, подтвердили вывод Шелдона о доминировании среди преступников мускулистых молодых людей, но предупредили, что отменное физическое развитие вовсе не обязательно ведет к преступности. По их мнению, родители держатся на некоторой дистанции от крепко сложенных сыновей, которые, в свою очередь, когда вырастают, не слишком чутко относятся к окружающим.

В то же время Э. и Ш. Глюк отмечают влияние семейных ценностей на формирование преступного образа жизни. Так, в 1968 г. при исследовании 500 подростков-рецидивистов и контрольной группы несудимых они установили, что имеющие судимость чаще, чем их законопослушные сверстники из контрольной группы, были лишены любви родителей, братьев или сестер и что лишь немногие

из них (в отличие от ребят из контрольной группы) сердечно относились к своим родителям или идентифицировали себя с отцом. Отцы подростков-преступников отличались непредсказуемостью в своей воспитательной практике, часто применяли телесные наказания.

Хотя умственные способности у правонарушителей примерно такие же, как у несудимых, они значительно хуже успевали в школе. Эти лица постоянно прогуливали уроки, обманывали учителей, проявляли непослушание, рано бросали учебу. Ранее имевшие судимость в большей мере, чем несудимые, стремились к авантурным приключениям. Подростки-правонарушители почти без исключения дружили с себе подобными. Среди них гораздо больший процент нереально мыслящих, инфантильных и неспособных найти правильное решение своих проблем (психопатические личности). Большинство оставались без профессии и работы; кроме того, они не хотели приобретать квалификацию.

Хромосомная теория

Хотя подобные теории были популярны в начале XX в., другие концепции антропологического направления их постепенно вытеснили. Были получены дополнительные данные о генотипе человека, что послужило толчком к возникновению хромосомной теории. Хромосомная теория, объясняющая девиации аномалиями половых хромосом (ХУ), начинает доминировать в науке с середины 1966 г. В соответствии с нормой женщина обладает двумя хромосомами типа Х, в то время как для мужчины характерно наличие одной хромосомы типа Х и одной хромосомы типа У. Однако бывают случаи, что у отдельных людей имеются дополнительные хромосомы типов Х или У (ХХУ, ХУУ).

В 1966 г. П. Джекобс, исследовав заключенных в шотландской тюрьме, выдвинула гипотезу о повышенной агрессивности и, соответственно, высоком уровне насильственных преступлений у мужчин с лишней У хромосомой (ХУУ вместо стандартного набора ХУ). Выяснилось, что среди этой категории больных частота хромосомных наборов ХУУ составляла 3,5%, т.е. в 35 раз больше, чем в среднем в обществе, а добавочная хромосома У

является «хромосомой преступности», которая заставляет ее носителей совершать различные правонарушения.

В 1967 г. в известном научном журнале «Природа» была опубликована статья У. Прайса и П. Уотмора «Преступное поведение и мужской генотип ХХУ». В ней авторы, основываясь на данных, полученных ранее П. Джекобс, также пытались доказать, что наличие у мужчин в клетках дополнительной У-хромосомы связано со склонностью к агрессии и различным правонарушениям. Они изучили хромосомные наборы пациентов мужского пола, содержащихся в лечебных заведениях для лиц с умственным развитием ниже нормы, имевших склонность к жестокости и антисоциальному поведению. Прайс и его коллеги установили, что наличие дополнительной хромосомы типа У было свойственно мужчинам выше среднего роста, которые оказались тяжелыми психопатами.

Уже в 1973 г. Рональд Рейган, находившийся тогда на посту губернатора штата Калифорния, одобрил идею создания специального центра по изучению и предотвращению насилия, одной из главных задач которого должно было стать выявление связи между агрессивностью и нарушениями комбинаций половых хромосом.

Однако позднее Т. Поуледж опроверг это предположение, указав на небольшой удельный вес в популяции людей с нестандартным генотипом (1 из 1 000), в то время как уровень преступности динамичен и постоянно меняется во времени и пространстве. Поуледж также отметил, что повышенный рост характерен не для всех лиц с набором хромосом типа ХУУ.

По данным Р. Фокса (1971 г.), заключенные с хромосомным набором ХУУ не более склонны к насилию, чем другие заключенные, но относительно чаще совершают имущественные преступления. Кроме того, повышенная агрессивность может проявляться и в общественно полезном или допустимом поведении (спортсмены, полицейские, военнослужащие)³⁴.

В 1976 г., опираясь на результаты исследования преступности в Дании, Уиткин и его коллеги обнаружили, что среди мужчин с составом хромосом ХУУ наблюдался более высокий уровень правонарушений, чем среди людей, входивших в контрольную группу.

³⁴ Гишинский Я.И. Указ. соч. С. 72.

Однако мужчины с составом хромосом типа ХУУ были осуждены в основном за имущественные преступления, а не насильственные.

Н. Смелзер также отметил, что этим мужчинам нередко присущ высокий уровень интеллектуальной дисфункции и необычная пугающая внешность. Можно предположить, что они чаще бывают пойманы на месте преступления или признаны виновными, но совсем не обязательно чаще совершают преступления, чем люди с нормальным интеллектом и заурядной внешностью. Если в самом деле учитывать уровень развития их интеллекта, можно предположить, что обладающих хромосомами ХУУ легче поймать на месте преступления, но это не означает, что они чаще других совершают преступления³⁵.

В целом, как уже отмечалось выше, антропологическое направление не избежало критической оценки во многом из-за противоречий результатов различных исследований. К тому же трудно вычленишь и оценить чисто биологические факторы влияния на формирование девиантного поведения: нет никаких доказательств специфического воздействия всех вышеназванных биологических факторов именно на возникновение девиаций. Но самое главное критическое замечание заключается в следующем. Биологический подход не позволяет ответить на вопрос, почему определенные виды поведения стали считаться девиантными. Ведь культурный релятивизм предполагает, что девиации являются социальным конструктом, и в истории мы можем увидеть массу тому примеров. Поэтому антропологическая теория не может объяснить девиантность как социальный феномен.

Задание на семинарское занятие

1. Проанализируйте статью: Румянцева Т. Факторы, способствующие агрессии // Агрессия: проблемы и поиски в западной философии и науке. М., 1991. С. 89 – 133. Ответьте на следующие вопросы:

- какова роль половых различий в уровне агрессивности?
- каково влияние расовых различий на межличностную и групповую агрессию?

³⁵ Смелзер Н. Указ. соч. С. 205.

- каково влияние на агрессию человека экологических проблем окружающей среды?

- увеличивается ли уровень агрессии при принятии спиртных напитков, наркотиков?

2. Подготовьте эссе на следующие темы:

- каковы опасности использования принципов биологического подхода в политических целях?

- каковы известные практики применения биологических теорий?

3. Проанализируйте рациональную систему наказаний позитивной школы (см. Приложение) и продумайте, какие основания для дифференциации наказаний были заложены в ней Ломброзо, Гарофало, Ферри и др. Учитывая социальный контекст теории ломброзианства, ответьте на вопрос, почему данные идеи были так популярны в конце XIX – начале XX в.

4. Прочитайте работы ученых, относящихся к антропологическому направлению (список 3, № 9, 10, 11, 15).

Глава 3. Психологическое направление объяснения девиантности

Следующая группа концепций объясняет причины девиантного поведения психологическими причинами. При этом многие ученые находят сходство данных концепций с биологическими. Так, Э. Гидденс отмечает, что подобно биологическим, психологические теории преступления ищут объяснение отклонений поведения в индивидууме, а не в обществе. Но если при биологическом подходе внимание фокусируется на физических качествах, которые якобы предрасполагают человека к преступлению, психологические теории сосредотачиваются на типах личности³⁶.

П. и Б. Бергер полагают, что биологические и психологические теории считают девиацию болезнью, которую нужно оценивать с медицинской точки зрения. Различие между ними лежит отчасти в том, как рассматриваются перспективы излечения. Невозможно

³⁶ Гидденс Э. Указ. соч. С. 182.

что-либо сделать с физической структурой лица индивида: все, что мог реально сделать Ломброзо, – это развесить уродливые портреты на стене для своего собственного бескорыстного удовольствия и как инструкцию для полицейских. Однако по меньшей мере со времен появления психоанализа в общем и целом предполагалось, что большинство психологических нарушений могут быть излечены. Это последнее предположение является общим местом в литературе, которая рассматривает девиацию с психологической точки зрения³⁷.

Развитие и популярность психологических теорий объясняются прежде всего тем, что значительная часть криминологических исследований в прошлом проводилась в тюрьмах и психиатрических лечебницах. В подобных условиях вполне естественно, что существенное влияние оказывали идеи психиатрии. Упор делался на отличительных чертах преступников, включая «слабоумие» и «моральную деградацию». Поскольку выборки для психологических исследований формировались на основе осужденных в тюрьмах, то их личности изображались в негативном свете. Х. Эйсенк в 1964 г. высказал предположение, что аномальные психические состояния наследуются: они могут либо предрасполагать человека к преступлению, либо создавать трудности для него в процессе социализации.

Таким образом, в психологическом объяснении девиация рассматривается как следствие слабоумия, психопатии, дегенеративности. В частности, П. Роуч считал социальные отклонения психическими заболеваниями, а Ж. Пинатель причины девиации видел в особенностях психики и нервной системы человека (эффективность, лабильность). Он разделяет правонарушителей на две категории – особых и обычных. В первую группу он включил психопатов, дебилов, алкоголиков и наркоманов. В группу обычных – профессиональных и случайных преступников. Последние могут быть: а) криминолоидами; б) псевдопреступниками (совершившие преступления по неосторожности) и преступниками по страсти. Ж. Пинатель называет свою классификацию биопсихосоциальной.

П. Роуч, рассуждая о девиантном поведении, пишет: «Все люди начинают жизнь в качестве существ, наделенных антисоциаль-

³⁷ Бергер П., Бергер Б. Указ. соч. С. 312

ными инстинктами и инстинктами самозащиты. Наше воспитание детей преследует цель модифицировать инстинкты для достижения цели группового конформизма и обеспечения взаимной безопасности... Явления преступности или душевного заболевания представляют собой доказательства либо несовершенства, либо слома внутреннего контроля... И преступность, и душевное заболевание могут с полным основанием рассматриваться в качестве результатов в основе своей совпадающих конфликтов, не разрешенных в пределах, очерченных групповыми нормами»³⁸. Таким образом, Роуч рассматривает преступление как процесс, в котором происходит сбой психического контроля и «высвобождение скрытых антисоциальных влечений, присущих всем людям».

П. Роуч отмечает, что «многие преступники принуждены повторять свои преступные действия для того, чтобы сохранить свой разум, и многие послушные закону граждане сходят с ума потому, что избегали совершения преступления»³⁹.

Становление психологического направления Я.И. Гилинский связывает с двумя именами: Р. Гарофало и Г. Тарда⁴⁰. Работа Гарофало «Критерии опасного состояния» (1880 г.) обосновывает, в частности, так называемый клинический подход к изучению личности преступника. Идеи «опасного состояния» позднее, во второй половине XX в., активно развивал Ж. Пинатель.

Габриель Тард (1843 – 1904 гг.) – французский криминолог, социальный психолог, социолог, крупнейший представитель психологического направления в социологии. В 1893 – 1896 гг. возглавлял отдел в Министерстве юстиции, с 1900 г. работал профессором философии в Коллеж де Франс. Основными работами Тарда в области социологии являются «Законы подражания», «Всемирное противопоставление», «Социальная логика», в которых он утверждает, что фундаментом социологии является социальная психология, так как общество – это продукт взаимодействия индивидуальных сознаний. Суть взаимодействия, по Тарду, заключается в подражании – основном законе всего сущего, которое он понимает как нечто достаточно простое и очевидное: это повторение, копирова-

³⁸ Яковлев А.М. Указ. соч. С. 78.

³⁹ Там же. С. 80.

⁴⁰ Гилинский Я.И. Указ. соч. С. 74.

ние, внушаемое каким-то образцом. Согласно Тарду, социальное развитие происходит таким образом, что подражание в форме обычая (копирование «своего и древнего») периодически сменяется подражанием в форме моды («новому и чужому»). В итоге подражания возникают групповые и общественные нормы.

Г. Тард в своих книгах «Законы подражания» и «Философия наказания» (1890 г.) объяснял преступное поведение подражанием и обучением, предвосхитив тем самым идеи теории дифференцированной ассоциации. Однако, обращаясь к психологическим факторам индивидуального преступного поведения, он все же абсолютизирует роль подражания, усматривает в «законе подражания» едва ли не основной закон развития общества и цивилизации.

Я.И. Гилинский отмечает, что склонность к психологизации социальных явлений не помешала Г. Тарду в ряде вопросов занять социологические позиции. Так, он социологически верно отметил относительность самого понятия отклонения (преступления): «Система добродетелей, так же как и система преступления и порока, меняется вместе с ходом истории». Отношение ученого к преступности как социальному феномену позволило ему сделать вполне социологический вывод: «Если бы дерево преступности со всеми своими корнями и корешками могло бы быть когда-нибудь вырвано из нашего общества, оно оставило бы в нем зияющую бездну»⁴¹.

По его же мнению, Г. Тард одним из первых обратил внимание на то, что повышение благосостояния, уровня жизни, образования не влечет за собой сокращения преступности. Рост трудовой деятельности и богатства делает естественным рост и разнообразие преступлений и преступников. «Как! Три великих предупредительных лекарства от социальной болезни: труд, общее довольство, образование – усиленно действовали зараз, а поток преступности, вместо того, чтобы пересохнуть, вдруг вышел из берегов»⁴². Тард увидел также широчайшую распространенность преступлений «людей богатых и признаваемых честными» (позднее такие преступления будут названы «беловоротничковыми»).

⁴¹ Гилинский Я.И. Указ. соч. С. 74.

⁴² Там же. С. 75.

Психоаналитики предложили свою объясняющую девиантность теорию, в которой девиантные поступки связаны с психическими отклонениями. Решающее влияние на формирование этой концепции оказало учение австрийского психиатра З. Фрейда. Так, Фрейд ввел понятие «преступники с чувством вины»: речь идет о людях, которые желают, чтобы их поймали и наказали, потому что они чувствуют себя виноватыми из-за своего «влечения к разрушению». С точки зрения А.М. Яковлева, фрейдизм внес нечто новое в тезис о прирожденном преступнике. Если Ломброзо считал, что только небольшая часть людей рождается таковыми, то исходной позицией Фрейда явилось положение о том, что все без исключения люди рождаются преступниками (хотя большинство ими не становятся)⁴³.

Появление теории З. Фрейда в начале XX в. радикально поменяло представление о сущности человека: главным движущим элементом в поведении человека является не разум, а бессознательное начало, которое движет его поступками. Бессознательное включает в себя все влечения, потребности, воспоминания и чувства, которые человек не осознает, но которые влияют на его поведение. Однако нельзя сказать, что З. Фрейд специально занимался девиантологической проблематикой, он не создал популярных тогда криминологических теорий. Вместо этого Фрейд сосредоточился на анализе психопатологии повседневной жизни. Но его теория в конечном итоге не могла не отразиться на психологических подходах к проблеме девиантного поведения, особенно сексуальных девиаций.

Напомним, что З. Фрейд выделял в структуре личности три составляющие, или три уровня: «Оно», «Я», «Сверх-Я».

«Оно» функционирует в сфере бессознательного и направлено на удовлетворение удовольствия (различных потребностей, желаний и влечений).

«Я» – это сфера сознания и самосознания, в котором с учетом имеющихся ресурсов и исходя из требований безопасности удовлетворяются желания «Оно».

«Сверх-Я» – высший уровень психики, включает в себя все представления о норме, ценности и идеалы, т.е. формирует моральный компонент. Данную область иногда именуют сверхсозна-

⁴³ Яковлев А.М. Указ. соч. С. 120.

нием. «Сверх-Я» почти всегда действует в сфере бессознательного, так как люди редко задумываются о моральных проблемах обычного поведения, чаще всего они просто «знают», какие поступки являются «хорошими», а какие – нет. «Сверх-Я» апеллирует к такому свойству человека, как долг, призывая его совершать только моральные поступки.

Согласно взглядам Фрейда, девиантное поведение человека является результатом постоянного конфликта между «Оно» и «Я», т.е. между бессознательным и требованиями морального порядка. «Я хочу!» – требует «Оно». «Ты не должен!» – возражает «Сверх-Я». Девиантного поведения можно будет избежать, если требование удовольствий не вступит в противоречие с ценностями «Сверх-Я».

Сознание – «Я», стремясь не допустить конфликта или смягчить его, вынуждено прибегать к использованию защитных механизмов.

К числу основных механизмов относятся:

- Механизм подавления или вытеснения, когда возникающий примитивный импульс подавляется в сфере бессознательного и не осознается. Однако подавленные влечения все равно периодически «прорываются» в реальность через оговорки, сновидения и т.д. Например, добропорядочный сотрудник фирмы не допускает мысли, чтобы отреагировать на грубость своего начальника. В то же время каждую ночь ему снятся сны, в которых он избивает своего руководителя.

- Механизм проекции, когда возникающее в подсознании чувство вины (само являвшееся результатом конфликта между примитивным инстинктом и идеальным «Я») как бы переносится (тоже бессознательно) на других лиц, на общество и т.д., т.е. собственные переживания приписываются другим. Здесь можно привести пример с манией преследования, когда человек приписывает другим свои агрессивные импульсы, искренне считая, что люди хотят его убить.

- Механизм сублимации, когда примитивный первобытный инстинкт подменяется влечением более высокого, социально приемлемого характера (творчество, напряженная социальная деятельность и т.д.). Например, если человек имеет тягу к агрессии, он может снять напряжение, занимаясь спортом или тяжелым физическим трудом.

- Механизм символизации или замещения, когда, например, влечение к одному объекту, лицу бессознательно переносится на иные объекты, обладание которыми как бы символизирует владение недоступным объектом. Например, начальник накричал на своего подчиненного, который не может ему ответить тем же в силу своего зависимого положения. И для того чтобы снять стресс, последний набрасывается с руганью на жену и детей, хотя они ничем не провинились.

- Механизм рационализации – человек стремится самооправдаться, дать рациональное объяснение поступкам, которые он совершил под влиянием инстинктивных влечений. Например, муж, осуществляя физическое насилие над своей женой, постоянно находит оправдание для своих действий. В этой связи следует упомянуть результаты исследования американских семей, проведенного еще в 1983 г. Гринблатом: каждый четвертый американец обоего пола заявил, что могут быть весьма веские причины для того, чтобы муж ударил жену. Чуть меньшая доля ответивших полагает, что верно обратное.

Если принять точку зрения Фрейда, то возникает, по меньшей мере, один вопрос: раз эти конфликты, как утверждает Фрейд, являются универсальными, почему далеко не все люди становятся девиантами?

Современные фрейдистские концепции исходят из положения о решающей роли врожденных, инстинктивных черт и свойств личности в этиологии преступного поведения. В механизме преступности социальные влияния на человека вторичны, они способны лишь на то, чтобы сдерживать рвущиеся наружу бессознательные повелительные инстинкты и влечения. Английский криминолог Э. Гловер считал, что «преступность – это частичная цена приручения дикого от природы зверя. Преступность представляет собой один из результатов конфликта между примитивными инстинктами, которыми наделен человек, и альтруистическим кодексом, устанавливаемым обществом либо в своих собственных интересах, либо в соответствии со своими моральными предрассудками»⁴⁴.

⁴⁴ Белгорокова Н.М. Социология девиации. М., 2003. С. 46.

Фрейдизм исходит из положения о том, что всякий совершенно нормальный ребенок является, как пишет Гловер, эгоцентричным, жадным, нечистоплотным, склонным к насилию, к разрушению, не наделенным поначалу какими-либо моральными чувствами существом. Социологи-фрейдисты утверждают, что насильственные преступления, совершаемые некоторыми взрослыми лицами, служат проявлением неприрученных чувств, присущих каждому ребенку. «В действительности, – пишет Гловер, – если судить по социальным стандартам мира взрослых, каждый ребенок – это практически преступник»⁴⁵.

К. Меннингер согласен с Фрейдом в том, что в жизни человека существует напряженная борьба между инстинктами жизни (само-сохранения) и смерти (саморазрушения). По его мнению, каждый человек предрасположен к самоуничтожению. Совпадение же целого ряда обстоятельств и факторов приводит к самоубийству. Исследовав глубинные мотивы самоубийства, он выделил три составные части суицидального поведения, причем в первых двух доминирует элемент жестокости.

Для того чтобы совершить самоубийство, во-первых, необходимо иметь желание убить. Во-вторых, необходимо испытывать желание быть убитым. В-третьих, должно присутствовать желание умереть. Его можно проиллюстрировать стремлениями некоторых отчаянных водителей или альпинистов, которые буквально нуждаются в том, чтобы подвергать себя постоянной опасности. Желание умереть очень распространено и среди душевнобольных, особенно тех, которые считают, что смерть является единственным лекарством от их душевных мучений.

Одновременное наличие всех трех элементов чаще всего приводит к трагическим последствиям, в то время как отсутствие одного или двух – к менее тяжелым формам аутоагрессии. Меннингер считает, что самоубийство возникает в тех случаях, когда имеет место стечение обстоятельств, при которых примитивные инстинкты саморазрушения и желание убить проявляются во взаимодействии с более сложными мотивировками, что значительно усиливает тенденцию к самоуничтожению.

⁴⁵ Яковлев А.М. Указ. соч. С. 121.

Помимо собственно самоубийства К. Меннингер в работе «Война с самим собой» (2000 г.) описал его многочисленные хронические формы: аскетизм и мученичество, неврастению, антиобщественное поведение, психозы, алкогольную зависимость. Отдельно он анализирует локальное самоубийство, которое включает членовредительство, симуляцию, полихирургию, преднамеренные несчастные случаи, импотенцию, фригидность. В качестве органического самоубийства он выделяет психосоматические заболевания, а также такие привычки, как курение.

К. Меннингер также затронул криминологическую проблематику, утверждая, что преступники – это люди, страдающие душевным заболеванием. А следовательно, место преступников – в больнице, а не в тюрьме. Меннингер задал вопрос, повторяемый с тех пор многими психиатрами США: «Должны ли юристы все еще продолжать торжественно применять средневековые бессмыслицы во имя установленных прецедентов, публичной политики и других словесных архаизмов?»⁴⁶.

Стоит отметить, что тема суицидального поведения очень популярна в психопатологическом подходе, который определяет суицид как проявление острых или хронических психических расстройств. Однако взаимозависимость между суицидальным поведением и конкретными психическими расстройствами статистически не доказана. Большинство ученых полагают, что к суицидальному поведению одинаково склонны как лица с психическими заболеваниями, так и здоровые люди. Но для ряда расстройств риск совершения самоубийства выше, например для депрессии.

Много внимания изучению суицидов уделяют и социально-психологические концепции, объясняющие самоубийства социально-психологическими факторами, например потерей смысла жизни. Так, В. Франкл, создатель психологического подхода – логотерапии, указывал, что связанная с потерей жизни экзистенциальная тревога переживается как ужас перед безнадежностью, ощущение пустоты и бессмысленности, страх вины и осуждения.

Логотерапия настаивает, что человек постоянно ищет смысл жизни, переживая при этом тревогу, сомнения, мучительный выбор, неприятие себя таким, каков он есть, в контексте того, каким

⁴⁶ Яковлев А.М. Указ. соч. С. 114.

он должен быть. Все перечисленное, по Франклу, является нормальным состоянием человека. Девиантность, с его точки зрения, проявляется в отсутствии тревоги, сомнений и борьбы – это расценивается как искусственная рационализация. Жизнь уникальна и разнообразна, и каждый должен творчески искать свой смысл. Успокоенность означает, что воля к смыслу подавлена, вытеснена. Главный вид девиантности, согласно логотерапии, – это экзистенциальный вакуум: потеря смысла существования.

Жизнь, по Франклу, это постоянное стремление уменьшить разрыв между тем, кем человек является, и тем, кем он должен быть согласно своим принципам. Но этот разрыв неустраним. К идеалу можно лишь приближаться, но нельзя его достичь, иначе жизнь теряет смысл и жить становится незачем, ведь все уже сделано. Именно этим, по мнению Франкла, объясняются случаи самоубийств среди людей, достигших богатства и успеха, которые расценивали это как смысл жизни.

Среди современных исследователей суицида, работающих в рамках психологического направления, стоит отметить Д. Вассерман⁴⁷. В своей концепции большое значение в суицидальном риске исследователь отводит так называемым стрессорам, под которыми она подразумевает помехи в удовлетворении таких потребностей, как любовь, уважение окружающих, чувство собственного достоинства и др. Автор настаивает, что в личности суицидента соперничает желание жизни и желание смерти, при этом происходящие негативные события могут накладываться на пережитые в детстве ситуации, что является причиной хронических стрессов. Однако большее значение имеет не факт присутствия этих событий в жизни человека, а его отношение к ним. Часть людей, по мнению Вассерман, склонны реагировать на подобные коллизии чувствами вины, безнадежности, стыда, обиды и злости. Они уже не способны решать свои индивидуальные, психологические проблемы, к тому же часто страдают от бессонницы, нервного истощения, голода, что увеличивает их шансы покончить жизнь самоубийством.

⁴⁷ Вассерман Д. Негативные события жизни (утраты, внезапные перемены, психические, в том числе нарциссические травмы) и самоубийство // Напрасная смерть: причина и профилактика самоубийств. М., 2005.

В подтверждение своей концепции Д. Вассерман приводит данные исследований, в которых показано, что негативные события жизни являются не только катализаторами суицидального процесса, но и факторами, ускоряющими самоубийство. Так, в ходе изучения 1 067 жертв суицида в Финляндии негативные события жизни выявлены в 80% случаев. Наиболее частыми являлись проблемы на работе (28%), в семье (23%), соматические заболевания (22%), финансовые проблемы (18%), безработица (16%), распады семей (16%), смерть члена семьи (13%) и его болезнь (12%). При этом женщины болезненно переживали негативные события жизни чаще, чем мужчины⁴⁸.

Интересным в концепции Д. Вассерман является анализ зависимости уровня самоубийств от конкретных профессий. Так, повышенная частота суицида наблюдается у химиков, фермеров, полицейских, артистов, художников, врачей и персонала, работающего в сфере психического здоровья. Высокую склонность этих групп к совершению самоубийства она объясняет сочетанием стрессовых факторов на работе, возможностей, связанных с доступом к средствам разрушения и других факторов риска, таких как психические нарушения и расстройства личности.

Вслед за В. Франклом Вассерман отмечает, что для многих людей суицидальный риск становится высоким, если ежедневные перемены в жизни ведут к утрате смысла жизни. Особенно это касается тех людей, у которых возникают сложности с поиском новой цели в жизни, а также с адаптацией к новой жизненной обстановке. Большую роль в формировании жизненных перемен она отводит реальным или ожидаемым утратам. Среди них она выделяет следующие:

- утрата значимого человека (причем у мужчин в большей степени, чем у женщин риск самоубийства возрастает после смерти родителей или супруга);
- утрата национальных или культурных связей (многие мигранты не могут адаптироваться к новым жизненным условиям и испытывают культурный шок);
- утрата здоровья (возникновение соматической, психической болезни, обострение хронического заболевания);

⁴⁸ Вассерман Д. Указ. соч. С. 125.

- угроза личной автономии (госпитализация лиц, страдающих хроническими или психическими заболеваниями);
- утрата возможностей для работы и учебы;
- утрата финансового положения;
- страх перемен.

Вассерман также обращает внимание на рост самоубийств после праздников (особенно после Рождества, Нового года, Пасхи, Дня России), который она объясняет разочарованием в связи с возвратом к будничной жизни, несбывшимися ожиданиями, накопившимися проблемами во взаимоотношениях и похмельем вследствие чрезмерного употребления алкоголя в дни отдыха. Вслед за Дюркгеймом она отмечает сезонность суицидального поведения: весной и летом совершается самоубийств больше, чем зимой.

Психологическими проблемами объясняет суицидальное поведение молодежи и А. Аптер⁴⁹. Автор отмечает, что одним из важных факторов суицидального риска у молодежи является диагностируемое психическое заболевание, особенно аффективные расстройства и пограничное расстройство личности. Аптер приходит к выводу, что подростки, бывшие клиенты психиатрических больниц, склонны к особому риску самоубийств. Подросткам-самоубийцам свойственна семейная история психических расстройств (в 25 – 50% случаев) и злоупотребление психоактивными веществами или алкоголем (33 – 70%).

По мнению Аптера, в популяции подростков особое значение для совершения суицидальной попытки имеют следующие комбинации:

- шизофрения, депрессии и злоупотребления психоактивными веществами;
- злоупотребления психоактивными веществами, расстройства поведения и депрессии;
- аффективные расстройства, расстройства пищевого поведения и тревожные расстройства;
- аффективные расстройства, расстройства личности (параноидное и шизоидное расстройство личности) и диссоциативные рас-

⁴⁹ Аптер А. Самоубийства и суицидальные попытки у молодежи // На-
 прасная смерть: причина и профилактика самоубийств. М., 2005.

стройства (нарушение функций сознания, памяти, идентификации или восприятия внешнего мира).

Аптер отмечает, что в большинстве случаев суицидальным попыткам и завершённым самоубийствам у подростков предшествует появление признаков депрессии. При этом подростки с такими признаками «происходят из распавшихся семей, имеют одного или обоих родителей, предпринимавших суицидальные попытки или самоубийство. Кроме того, довольно часто они убегают из дома и в итоге воспитываются без позитивных ролевых моделей. В этой группе часто наблюдается физическое, психическое и сексуальное насилие... У молодежи с депрессией злоупотребление алкоголем и психоактивными веществами, импульсивное и асоциальное поведение являются дополнительными факторами суицидального риска»⁵⁰.

Неофрейдисты (К. Хорни, Д. Боулби, Г. Салливан) видят причины отклонений в дефиците эмоционального контакта, теплого общения ребенка с матерью в первые годы жизни. Индивидуальная психология А. Адлера объясняет девиантное поведение «комплексом превосходства» и с позиций «вундеркинда», которые также формируются в зрелом возрасте. В результате влияния этих факторов некоторые индивиды не способны устанавливать адекватные контакты с окружающей средой.

В числе главных теоретиков неофрейдизма необходимо отметить Э. Фромма, немецко-американского психолога, философа и социолога. Фромм вместе с Э. Эриксоном, К. Хорни сформировал одно из течений неофрейдизма – эгопсихологию, представители которой настаивали на наблюдениях за здоровыми, полноценными членами общества, а не только психически нездоровыми, как это делал Фрейд. Выводы, сделанные на основе наблюдений за здоровыми людьми, использовались потом для объяснения поведения людей больных (а не наоборот – как у Фрейда).

Несмотря на различия теорий, созданных отдельными эгопсихологами, все теории этого типа имеют одну и ту же гуманистическую философскую базу. Все эти теории исходят из нескольких связанных между собой базовых предположений относительно природы человека: человек рожден для счастья – быть счастливым означает чувствовать себя комфортно – человек стремится к ду-

⁵⁰ Аптер А. Указ. соч. С. 195.

шевному комфорту, это нормально и естественно – сомнения, тревога, внутренние конфликты есть признаки патологии – человек должен принимать себя и окружающих такими, какими они являются – психологическая норма означает быть довольным своим существованием, самим собой и окружающими⁵¹.

Важной особенностью взглядов Фромма также является его критическое отношение к капиталистическому обществу как к обществу, доводящему до предела процесс самоотчуждения личности. Он отмечает: «Гипнотические методы, используемые в рекламе и политической пропаганде, представляют собой серьезную угрозу психическому здоровью, особенно ясному критическому мышлению и эмоциональной независимости. Я нисколько не сомневаюсь в том, что ... употребление наркотиков наносит здоровью человека гораздо меньший вред, чем различные методы "промывания мозгов"»⁵².

Фромм как ученый и как человек мечтал об идеальном типе социальной структуры «здорового» общества, позволяющем раскрыться безграничным потенциям человеческой природы.

В своей работе «Анатомия человеческой деструктивности» он проводил различие между проявлениями агрессии. Он выделил доброкачественную (например, игровая, адаптивная, оборонительная) и злокачественную (неадаптивная жестокость) агрессию. Последняя проявляется в некрофилии или в садизме (по Фромму, садизм – абсолютная власть над другим человеком). Повышенное внимание он уделяет некрофилии, рассматривая ее как наиболее опасный вид агрессии для общества и всего развития цивилизации. Э. Фромм делает вывод, что некрофилам свойственно ратовать за негативные санкции, силовые решения конфликтов, за репрессивные меры социального контроля над девиантностью: «Антижизненные (деструктивные) тенденции весьма примечательно коррелируют с политическими воззрениями тех лиц, которые выступают за усиление военной мощи страны ... Лица с деструктивной доминантой считали приоритетными следующие ценности: более жесткий контроль над недовольными, строгое соблюдение законов против наркотиков, победное завершение войны во Вьетнаме, кон-

⁵¹ Хагуров Т.А. Указ. соч. С. 118.

⁵² Фромм Э. Иметь или быть? М., 1990. С. 194.

троль над подрывными группами и их действиями, усиление полиции и борьба с мировым коммунизмом»⁵³.

Фромм подчеркивает, что у человека должны быть возможности реализовать свои способности, только так он может быть «нормальным» и жить в единстве с миром и в согласии с самим собой. Если необходимые для его саморазвития ресурсы отсутствуют, он будет ощущать себя разбитым, будет стараться «убежать от себя» и найти свое успокоение в алкоголе или наркотиках. В работе «Здоровое общество» Э. Фромм говорит о «патологии нормальности», когда человек пытается быть конформным, соблюдать социальные нормы, которые сами патологичны, ибо препятствуют самореализации личности.

Социологи более активно принимают попытки объяснить девиантное поведение психологическими факторами, чем антропологическими. Во многом такому «сотрудничеству» психологов и социологов способствовали идеи фрейдизма, которые акцентировали внимание на проблемах социализации, а именно на дефектах отношений между отцами и детьми. Одним из ярких примеров использования междисциплинарного подхода является описанное выше исследование юных правонарушителей, проведенное Э. и Ш. Глюк. Они сделали вывод, что отсутствие теплых эмоциональных связей с родителями способствовало девиантности подростков.

А. Коэн, один из наиболее известных социологических экспертов в области юношеской делинквентности, также попытался скомбинировать психологический подход с более традиционными формами социологического анализа. По мнению П. и Б. Бергер, в обсуждении причин юношеской делинквентности Коэн поместил себя посередине между теми объяснениями, которые учитывали это явление с точки зрения специфической субкультуры, и теми, что объясняли его с позиций психологических особенностей индивидов⁵⁴.

Коэн отверг позицию многих ученых, которые настаивали на существовании в низших классах особой субкультуры, порождающей делинквентное поведение. В качестве контраргумента он ис-

⁵³ Гилинский Я.И. Указ. соч. С. 78.

⁵⁴ Бергер П., Бергер Б. Указ. соч. С. 313.

пользовал идею, что многие из индивидов, подверженных воздействию этой субкультуры, сами не становились правонарушителями. В то же время он отвергал и объяснение делинквентности с позиций одних только индивидуальных психологических факторов, утверждая, что многие из индивидов с подобными психологическими констелляциями, особенно если они размещались в более низких делинквентных областях, не становились правонарушителями, а выражали свои психологические нарушения иным образом. По мнению Козна, только сочетание исследований субкультуры и индивидуальной психологической предрасположенности могут объяснить склонность подростков к правонарушениям.

Психологический подход изучения преступности предполагает, что существуют определенные проблемы у личности, причем диапазон этих проблем широк: от психиатрических заболеваний до риска утраты работы, близкого человека, здоровья и т.д. Целое направление – фрейдизм – рассматривало девиации с точки зрения борьбы между бессознательным и человеческим Я, утверждая, что преступление обусловлено факторами, которые человек не может контролировать, и что они заключены либо в его теле, либо в его мозгу. Поэтому если бы науке удалось установить явные психологические причины преступления, появилась бы возможность воздействовать на такие причины. В этом плане психологические теории девиантного поведения являются по своей сущности позитивистскими.

В настоящее время большинство психологов и социологов признают, что особенности личности и мотивы ее поступков могут оказать важное влияние на девиантное поведение. Однако в результате анализа только одной психологической черты невозможно понять причины преступности, самоубийства или другого типа девиации.

В 1950 г. Шуэсслер и Крэсси проделали критический обзор многих научных работ, авторы которых пытались доказать, что правонарушителям и преступникам свойственны некоторые психологические особенности, не характерные для законопослушных граждан. Однако ученые не нашли ни одной психологической черты, например эмоциональной незрелости, психической неустойчивости или обеспокоенности, которые могли бы быть наблюдаемы у всех преступников.

Н. Смелзер отмечает, что индивидуумы с психопатическими чертами действительно иногда совершают жестокие преступления, но главные трудности как раз и вызывает определение понятия психопатической личности. Совсем не очевидно, что психопатические черты обязательно свидетельствуют о преступных наклонностях. Почти все исследования, посвященные людям, которые, как считалось, обладали такими характеристиками, проводились среди осужденных в тюрьмах, и их личности неизбежно должны были изображаться в негативном свете. Если же мы опишем те же самые черты в положительном свете, тип личности получается совершенно другим, и нет никаких оснований считать людей подобного рода прирожденными преступниками.

Психологические теории преступления в лучшем случае могут объяснить только некоторые аспекты этого явления. Хотя отдельные преступники, возможно, и обладают личностными свойствами, отличающими их от остальной части населения, крайне маловероятно, что это относится к большинству преступников. Существуют самые разные виды преступлений, и вряд ли можно предположить, что у тех, кто их совершает, имеются какие-то особые общие характерные психологические черты⁵⁵.

Большинство ученых приходит к выводу, что девиация возникает в результате сочетания многих социальных и психологических факторов.

Задание на семинарское занятие

1. Подготовьте эссе на следующие темы:

- в чем заключается «нормальность» страданий и жизненных переживаний?
- что является критерием нормальности в логотерапевтическом подходе?
- увеличивается ли риск проявления девиаций у полицейских и работников пенитенциарных учреждений при работе с преступниками?

2. Проанализируйте описание Стэнфордского эксперимента и ответьте на следующие вопросы:

⁵⁵ Смелзер Н. Указ. соч. С. 206.

- какие известные Вам психологические методы исследования девиантности использовались в проекте «Стэнфордская окружная тюрьма»?

- как бы объяснили результаты проекта различные теории психологического направления: эгопсихология, логотерапия, психоанализ и т.д.?

- какие негативные психологические состояния испытали заключенные в экспериментальной тюрьме?

- поясните фразу Ф. Зимбардо: «надзиратель тюрьмы – такая же жертва системы, как и заключенный»?

- проследите динамику психологических состояний охранников. Как Вы думаете, какие психологические требования должны предъявляться к личности и деятельности персонала пенитенциарных учреждений?

- какие предложения Вы хотели бы внести в систему исполнения наказания? Нуждается ли система наказания России в реформировании?

3. Прочитайте работы ученых, относящиеся к психологическому направлению (список 3, № 5, 6, 14, 16, 17, 18).

Глава 4. Социологическое направление объяснения девиантности

Сегодня именно социологический подход играет доминирующую роль в развитии девиантологии. Во многом такая популярность социологических теорий объясняется стремительным развитием самой социологии, которая была мало известна в XIX в., в период возникновения основных биологических и психологических теорий. У критиков последних было достаточно времени для анализа их недостатков, что отрицательным образом отразилось на их доминировании. Последующие поколения исследователей открыто критиковали так называемую «старую позитивистскую криминологию», настаивая на невозможности индивидуалистических объяснений девиаций. Они утверждали, что объективным объяснением девиантного поведения может быть социологическое, учитывающее социальный и культурный контекст совершения девиации.

Представителей социологического направления интересует, как общество создает условия, благоприятствующие осуществлению его членами девиантных поступков.

Можно сказать, что зарождение и начальное развитие самой науки социологии произошло в период великих потрясений, которые повлекли за собой не только масштабные изменения, но и резкий рост разнообразных девиаций. Цепь политических революций, начавшаяся с Французской 1789 г. и растянувшаяся на весь XIX в.; промышленный переворот, охвативший многие западные страны в основном в XIX и начале XX в., массовые урбомиграции, развитие конкурентного капитализма с его миллионными жертвами; формирование радикальных политических движений, ратующих за свержение капитализма; подъем феминистского движения; стремительная урбомиграция и многие другие общественные явления способствовали формированию социологических теорий, пытавшихся найти объективные объяснения происходящим событиям, в том числе и девиантным. Над анализом последних работали целые научные школы, среди которых были такие крупные, как марксистская и Чикагская.

Популярность социологического направления можно также объяснить разнообразием общественной жизни. Действительно в его рамках существует большое количество концепций, каждая из которых по-своему объясняет девиацию, используя тот или иной социальный фактор. Это неудивительно: вслед за развитием общества изменяются и девиации (например, развитие информационных технологий способствовало появлению преступлений, связанных с проникновением в чужие компьютерные сети).

В современной социологической науке существует достаточно много классификаций социологических школ и концепций объяснения девиантного поведения. Например, очень интересная классификация объяснений преступности принадлежит Р. Коллинзу, который делит их на консервативные, либеральные и радикальные⁵⁶. К консервативному направлению объяснения преступности ученый относит биологические концепции. Основная идея консер-

⁵⁶ Более подробно классификацию Р. Коллинза см.: Коллинз Р. Социологическая интуиция: введение в неочевидную социологию // Личностно-ориентированная социология. М., 2004. С. 491 – 528.

вативных взглядов на преступления, по Коллинзу, заключается в том, что преступники – это плохие люди и единственный способ борьбы с ними – наказание (чем крупнее преступление, тем жестче должно быть наказание).

Коллинз приводит примеры жестоких казней в Европе на протяжении XVII и XVIII вв., когда людей вешали за кражу куска хлеба, и делает вывод, что жестокие наказания не сработали: преступления продолжали удерживаться на высоких уровнях на протяжении сотен лет, несмотря на все эти увечья и повешения.

Стоит отметить, что на неэффективность жестких мер наказания, правда в несколько другом ключе, еще в 1896 г. указывал главный инспектор тюрем Англии Гриффитс: «...Англия испробовала все. Она вешала людей сотнями, отправляла их в ссылку тысячами; она применяла одиночное тюремное заключение, тюрьмы с обособленными отделениями, тюрьмы общие и все способы репрессии, какие только были придуманы. И что же! Можем ли мы в конце XIX в. указать в пользу той или иной системы на результаты, которые действительно были бы типичны и убедительны с точки зрения уменьшения преступности?»⁵⁷.

Либеральные объяснения направлены на изучение того, чтобы понять: почему кто-то вступает в преступную жизнь и что нужно сделать, чтобы помочь ему оттуда выйти? Некоторые либеральные теории ищут причины девиантности в нарушениях процесса социализации, другие находят их в плохом окружении будущих преступников, третьи – в неравных возможностях для вертикальной мобильности. Коллинз отмечает, что развитие либеральных концепций положило начало реформирования пенитенциарных учреждений: в них устранялись жестокие наказания, обеспечивались рекреационные и образовательные возможности.

Однако ученый делает пессимистичный вывод: либеральные программы были в действии в течение десятилетий, а преступность тем не менее не снижается. Напротив, показатели большинства видов преступлений выросли за последние двадцать лет. Так, Коллинз подверг критической оценке теории сломанных семей и губительного соседства: «Не каждый ребенок из разведенной семьи становится преступником, фактически большинство таких детей

⁵⁷ Ферри Э. Указ. соч. С. 525 – 526.

вырастают вполне нормальными людьми. Это особенно очевидно сегодня, когда развод становится практически нормальной и приемлемой частью жизни почти половины семей. Вряд ли справедливым было бы и утверждение, что каждый, кто живет в окружении плохих соседей, становится преступником: это опять же только меньшинство из живущих в таких районах. Значит, сама по себе нищета не может быть причиной преступления, здесь должен быть какой-то другой фактор. Это становится еще очевиднее, когда мы узнаем, что все преступники — это никоим образом не бедняки и не представители расовых меньшинств. Юных правонарушителей можно с равным успехом обнаружить как в районах средних классов, так и в бедняцких районах. Богатые мальчики, объединяясь в братства, тоже совершают акты вандализма, насилия и изнасилования, воровства и всего остального, хотя они не всегда несут ответственность за эти преступления. То же самое справедливо и в отношении взрослых. Мы не можем сказать, что более бедные классы в большей степени склонны к преступлениям. Так называемая преступность "белых воротничков" — это также серьезная проблема, простирающаяся от подделывания чеков до присвоения фондов или тайных подкупов правительственных чиновников или уклонения от уплаты налогов»⁵⁸.

Радикальные объяснения главную роль в формировании преступности отводят агентам правового принуждения, СМИ, правительству и т.д. Наиболее актуальной здесь является теория стигматизации, навешивания ярлыков: «... способ, которым полиция может поддержать работу своей системы, состоит в том, чтобы прикрепить соответствующие таблички к тем людям, которых легче всего арестовать... Когда кто-то становится известным полиции, она подвергает его организационному давлению, которое будет протаскивать его через систему вновь и вновь. Будет ли он сильно идентифицировать себя с криминальным сообществом или нет, полиция будет стараться сделать это, и выйти из этого круга становится все труднее. Экс-заключенные направляются в машину, которая постоянно репродуцирует их, потому что они представляют собою самый легкодоступный материал»⁵⁹.

⁵⁸ Коллинз Р. Указ. соч. С. 500.

⁵⁹ Там же. С. 504 – 505.

Существует более сильная версия радикального подхода к объяснению преступности: сам закон создает преступления. И здесь Коллинз приводит пример с наркотиками: приобретение наркотиков не было преступлением до тех пор, пока не были приняты законы, превращающие их приобретение в правонарушение. Аналогичный эффект имело и объявление вне закона азартных игр.

Для нас, однако, имеет больший интерес описанная Коллинзом в рамках радикального направления теория конфликта, которая рассматривает преступления как результат борьбы между людьми в стратифицированном обществе (особенно ее экономической разновидности). Ученый нашел весьма оригинальный способ проверить ее объективность на практике, проанализировав уровень преступности в Советском Союзе. В результате проведенного исследования Коллинз пришел к выводу, что преступность в социалистических обществах продолжает существовать; более того, они создают новые ее виды, например осуществление частного бизнеса или коррупция.

В итоге своего анализа трех наиболее общих направлений в объяснении преступности Коллинз провозглашает, что преступность – это нормальная и даже необходимая черта всех обществ.

Нам кажется наиболее академичной классификация социологических теорий, представленная Я.И. Гилинским. Он выделяют следующие основные школы и концепции в рамках социологического осмысления девиантности: функционализм (Э. Дюркгейм); социальная дезорганизация (У. Томас и Ф. Знанецкий, Р. Парк); аномия (Э. Дюркгейм, Р. Мертон, Р. Клауорд, Л. Оулин); Чикагская школа; конфликт культур и девиантных субкультур; социальное научение (Social Learning), включая теорию дифференцированной ассоциации и нейтрализации (Г. Беккер, Э. Сатерленд, Д. Крэсси, Г. Сайке и Д. Матза); контроля (Т. Хирши); символический интеракционизм или стигматизация (Ч. Кули, В. Гоффман, Ф. Танненбаум, Е. Лемерт); теории конфликта, включая марксистские и неомарксистские (К. Маркс, Р. Кини, А. Лиазос); «современные» («радикальные», феминизм, постмодернизм).

Зарождение социологического направления позитивистской криминологии Я.И. Гилинский связывает с выступлением на заседании Бельгийской королевской академии наук в Брюсселе в 1831 г. математика, астронома и статистика А. Кетле, который в

своем докладе заявил: «Мы можем рассчитать заранее, сколько индивидуумов обагрят руки в крови своих сограждан, сколько человек станут мошенниками, сколько станут отравителями, почти так же как мы заранее можем подсчитать, сколько человек родится и сколько человек умрет... Здесь перед нами счет, по которому мы платим с ужасающей регулярностью, – мы платим тюрьмами, цепями и виселицами»⁶⁰. Этот впечатляющий вывод явился закономерным следствием развития в XVIII в. демографической статистики. Однако вплоть до XIX столетия отсутствовали систематические статистические данные о преступности.

Позднее знаменитый тезис А. Кетле повторит Ф. Энгельс: «Для большого города или для целого округа можно с достаточной точностью заранее предсказать, как это нередко делалось в Англии, ежегодное число арестов, уголовных преступлений, даже число убийств, краж со взломом, мелких краж и т.д. Эта регулярность доказывает, что и преступность управляется конкуренцией; что общество порождает спрос на преступность, который удовлетворяется соответствующим предложением...»⁶¹.

В «Социальной физике», получившей высокую оценку Маркса, Кетле, опираясь на статистический анализ, приходит к выводу, что всякий социальный строй предполагает определенное количество и определенный порядок преступлений, которые вытекают из его организации. А следовательно, благодаря такой стабильности преступности можно предсказывать преступления. Говоря в своих произведениях о статистических закономерностях преступности, Кетле признает, таким образом, ее обусловленность социальными фактами, способствующими или препятствующими существованию преступности: «Общество заключает в себе зародыши всех имеющих совершиться преступлений, потому, что в нем заключаются условия, способствующие их развитию; оно, так сказать, подготавливает преступление, а преступник есть только орудие. Всякое социальное состояние предполагает, следовательно, известное число и известный порядок преступников, которые являются как необходимое следствие его организации. Это наблюдение, которое на

⁶⁰ Гилинский Я.И. Указ. соч. С. 80.

⁶¹ Энгельс Ф. Наброски к критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 570.

первый взгляд может показаться безотрадным, напротив, очень утешительно, если ближе всмотреться в него. Оно указывает на возможность улучшения людей посредством изменения учреждений, привычек, состояния образованности и вообще всего, что имеет влияние на их быт»⁶².

В 1885 г. на I Международном конгрессе антропологов в Риме французский криминолог А. Лакассань вывел знаменитую формулу, по которой «каждое общество имеет тех преступников, которых оно заслуживает».

Можно сказать, что Кетле был первым, кто заявил о социальном контексте преступности, ее обусловленности социальной средой и ее относительной независимости от желания отдельных людей. В противовес абстрактно-философскому постулированию глобальных общечеловеческих законов им было предложено понимание социального закона как устойчивых соотношений между социальными показателями. Например, на основе зафиксированных им постоянных корреляций между видами преступлений, полом, возрастом, социальным происхождением и местом жительства преступников он делал вывод, согласно которому преступное поведение части людей – объективный закон общественной жизни. Центральная тема работы Кетле заключалась в доказательстве подчиненности человеческих действий определенным законам. Так, он приходит к выводам о влиянии на совершение преступлений возраста людей, их пола, профессии, образования, климата, времен года и пр.

Его стремление анализировать общественные явления с точки зрения социального закона можно объяснить тем, что Кетле пришел к социологии не от философии, а от математики. Благодаря своим знаниям он разработал ряд методик сбора статистической информации, долгое время использовавшихся не только в статистике, но и социологии, обосновал основные математические методы обработки социальной информации, в том числе основанные на теории вероятности. Кетле доказал, что социология может использовать свои собственные научные методы (основным из которых является статистический метод), а не только заимствовать их из естественных наук, как считал О. Конт.

⁶² Яковлев А.М. Указ. соч. С. 140.

Ему же принадлежит идея «среднего человека», под которым он понимал совокупность усредненных показателей природно-физических и социально обусловленных качеств людей (роста, веса, здоровья, продолжительности жизни, психики, ума, морали, веры и т.п.). Целью «социальной физики» Кетле считал определение параметров «среднего человека» для каждой нации и динамику усредненных показателей в разные периоды ее истории.

Основные идеи А. Кетле, которые в той или иной степени разделяют и развивают все представители социологического направления, сводятся к следующему⁶³:

- преступность порождена обществом;
- она развивается по определенным законам под воздействием социальных и иных объективных факторов;
- ей присуща статистическая устойчивость;
- повлиять на преступность (с целью сокращения) можно только путем изменения (улучшения) социальных условий.

Кетле считал, что преступность можно сокращать, исправляя людей при помощи изменения общественных учреждений, привычек, состояния просвещения и вообще всего того, что влияет на их образ жизни.

Теория аномии

Первая серьезная попытка объяснить причины отклоняющегося поведения с помощью социологической теории была предпринята известным французским социологом Э. Дюркгеймом. Его теория аномии по своему содержанию принадлежит к функционалистскому направлению, которое рассматривает девиантное поведение как результат структурных сбоев и отсутствия в обществе морального регулирования. В своих работах функционалисты пытались найти ответ на вопрос, выполняет ли девиация свои собственные социетальные функции.

Дюркгейм приходит к выводу о негативных аспектах изменений, к которым привели политические революции, промышленный переворот, масштабные урбомиграции, развитие конкурентного капитализма. Более всего ученый был потрясен последовавшими после

⁶³ Гишинский Я.И. Указ. соч. С. 81.

Французской революции в 1789 г. беспорядком и хаосом, поэтому его дальнейшая научная и политическая деятельность была прямо связана с анализом причин и поиском противоядия от беспорядков. Действительно, последовавший после революции рост промышленных предприятий потребовал большого количества рабочих рук, что вызвало масштабные миграции людей из деревни в город. Но адаптация к городской жизни проходила с серьезными затруднениями; кроме того, разрастание городов повлекло за собой бесчисленные проблемы: перенаселенность, загрязнение окружающей среды, шум и т.д.⁶⁴ Переход к индустриальному труду разъединил семьи и ослабил традиции, веками управлявшие жизнью людей, связи людей становятся все более обезличенными и профессиональными.

Анализируя современное ему общество, Дюркгейм приходит к выводу, что в нем разрушаются старые традиционные нормы и стандарты, в то время как новые не успевают укрепиться в обществе. Аномии (от греческого *anomos* – беззаконный, необузданный, лишенный умеренности) наблюдаются в тех случаях, когда отсутствуют ясные правила, которые управляли бы поведением людей в той или иной сфере общественной жизни. Социолог считал, что в таких условиях люди чувствуют себя брошенными, незащищенными и дезориентированными, в подобной ситуации люди теряют почву под ногами. Несоответствие поведения социальным нормам возникает во время резких перемен в жизни общества, отдельных групп, личности, причем изменения могут касаться как самих норм, так и реакции индивидов на них. Во время кризисов жизненный опыт перестает соответствовать идеалам, воплощенным в социальных нормах. Именно аномией он объяснял такую девиацию, как самоубийство, продемонстрировав в качестве доказательства рост суицидов во время неожиданных экономических спадов.

Таким образом, аномия возникает как следствие неполноты перехода общества от механической солидарности к органической, когда старые институты и нормы уже разрушены, а новые еще не

⁶⁴ В 1991 г. было опубликовано интересное исследование Т. Румянцевой (см.: Румянцева Т. Факторы, способствующие агрессии // Агрессия: проблемы и поиски в западной философии и науке. М., 1991), в котором негативным факторам окружающей среды (шум, рост городов, загрязнение воды и почвы) отводится не последняя роль в усилении агрессивности человека.

созданы. Социальные и экономические нововведения, которых становится сейчас все больше в результате прогрессирующего разделения труда, появляются на свет, не получив морального оправдания и моральной опоры в коллективном сознании.

В своих работах Дюркгейм уделял также внимание преступлению, рассматривая его, как и девиантность в целом, как неизбежный и необходимый элемент современных обществ. Именно потому, что людям предоставлена большая свобода выбора и традиционные нормы уже не так ограничивают их поведение, люди становятся более раскованными и нонконформичными. Преступность присуща всем обществам. Кроме того, она выполняет определенные социальные функции, поэтому, с точки зрения Дюркгейма, она является «нормальным» явлением: «Преступления совершаются... во всех обществах всех типов... Нет никакого другого феномена, который обладал бы столь бесспорно всеми признаками нормального явления, ибо преступность тесно связана с условиями жизни любого коллектива ... Преступность – нормальное явление потому, что общество без преступности совершенно невозможно»⁶⁵.

Девиантное поведение, по мнению Дюркгейма, выполняет в обществе две важные социальные функции. Во-первых, она осуществляет и демонстрирует собой изменение, «она прочно связана с основными условиями любой социальной жизни и именно в силу этого полезна, поскольку те условия, частью которых она является, сами неотделимы от нормальной эволюции морали и права... Чтобы был возможен прогресс, индивидуальность должна иметь возможность выразить себя. Чтобы получила возможность выражения индивидуальность идеалиста, чьи мечты опережают время, необходимо, чтобы существовала и возможность выражения индивидуальности преступника, стоящего ниже уровня современного ему общества. Одно немыслимо без другого... Преступность не только предполагает наличие путей, открытых для необходимых перемен, но в некоторых случаях и прямо подготавливает эти изменения... Действительно, сколь часто преступление является лишь предчувствием морали будущего, шагом к тому, что предстоит!»⁶⁶.

⁶⁵ Дюркгейм Э. Норма и патология // Социология преступности. М., 1966. С. 39.

⁶⁶ Там же. С. 42 – 43.

Во-вторых, девиантность способствует сохранению границ между «хорошим» и «плохим» поведением в обществе. Преступное деяние может вызвать такую коллективную реакцию, которая укрепит групповую солидарность и прояснит социальные нормы⁶⁷. Наличие девиации способствует объединению и усилению группы, которая выступает против нее, а следовательно, девиация выполняет важную функцию – поддержание солидарности между членами группы.

Однако «нормальность» девиантности имеет свои пределы, ее чрезмерная концентрация оказывается губительной для общества. При этом каждое общество имеет свои пределы «нормальности» девиаций. Как отметил Я.И. Гилинский, суть теории аномии заключается в следующем: в стабильном обществе стабилен и уровень девиантных проявлений (пьянства, наркотизма, самоубийств, преступности и т. п.). В обществах же, быстро меняющихся, в условиях социальной дезорганизации наблюдается состояние аномии, когда старые социальные нормы уже не работают, а новые еще не освоены, когда существует «конфликт норм» – правовых и моральных, публичного права и частного права и т.п., когда некоторые социально значимые сферы жизнедеятельности остались неурегулированными («нормативный вакуум»). В таком обществе резко возрастают проявления девиантности, превышая «нормальный» для данного общества уровень⁶⁸.

С этих позиций Э. Дюркгейм осуществляет одно из первых значительных социологических исследований, затрагивающих проблему девиантности («Самоубийство», 1897 г.). При изучении суицидов он проанализировал уровень самоубийств среди разных групп населения и пришел к выводу, что даже такой сугубо индивидуальный поступок, как самоубийство, осуществляется под влиянием социальной среды. До этого открытия исследователи обращали внимание только на психологические или антропологические причины самоубийства.

Используя официальную статистику, Дюркгейм установил интересные зависимости: среди самоубийц больше мужчин, чем женщин; больше протестантов, чем католиков; самоубийство чаще

⁶⁷ Гидденс Э. Указ. соч. С. 183.

⁶⁸ Гилинский Я.И. Указ. С. 85 – 86.

совершают богатые люди, чем бедные; одинокие люди более подвержены этой девиации, чем семейные; репрессивные политические системы создают в стране суицидальную обстановку; количество самоубийств больше в странах с неустойчивой экономикой. Он же отметил «сезонность» совершения самоубийств: весенне-летний «пик» и осенне-зимний спад, а также их снижение во время военных действий. Данные корреляции позволили ему сделать вывод, что люди, крепко интегрированные в социальные группы, менее склонны совершать самоубийство. Именно наличие или отсутствие интеграции, а также социальной регуляции он положил в основу классификации самоубийств, выделяя при этом:

- эгоистическое самоубийство (характеризуется низкой степенью интеграции индивида в обществе);
- аномическое самоубийство (в обществе отсутствует социальная регуляция);
- альтруистическое самоубийство (характеризуется максимальной интегрированностью индивида, например, летчики, направляющие свои горящие самолеты на вражескую армию);
- фаталистические убийства (угнетение человека излишней регуляцией со стороны общества)

Наибольший интерес у Э. Дюркгейма вызывает второй тип – аномический, выявляемый с помощью статистических корреляций между частотой самоубийств и фазами экономического цикла (их рост приходится на переходные периоды развития общества).

Хотя теория аномии Дюркгейма подверглась критике (в основном за использование только официальной статистики и пренебрежение психологическими мотивами самоубийства), его работа по-прежнему считается классической и фундаментальной. Современных исследователей привлекает прежде всего тезис Дюркгейма, что даже такой индивидуальный поступок, как самоубийство, необходимо рассматривать в социальном контексте, а следовательно, с помощью социологического анализа. Точка зрения Дюркгейма о порождении отклоняющегося поведения социальной дезорганизацией сегодня является общепринятой.

Так, Н. Смелзер приводит следующие примеры ее применения в девиантологии XX в.⁶⁹ В своем классическом исследовании Шоу

⁶⁹ Смелзер Н. Указ. соч. С. 207 – 208.

и Маккей в 1942 г. установили, что официальный уровень правонарушений среди подростков особенно высок в городских районах, где проживают люди различного происхождения и наблюдается высокая степень текучести населения. Для жизни таких районов не только характерен конфликт между культурными ценностями (что приводит к отсутствию единой совокупности ожиданий), но и возникают трудности в связи с контролем за соблюдением любых стандартов, и должностные лица даже не пытаются его осуществлять. Противоречивые критерии оценки поведения людей и слабый контроль со стороны властей в значительной мере способствуют росту правонарушений.

Сравнительно недавно теория аномии нашла новое выражение в понятии «социальных обручей», введенном Т. Хирши в 1969 г. Хирши утверждает, что, чем больше люди верят в ценности, принятые обществом (например, в правильность законов), чем активнее они стремятся к успешной учебе, участию в социально одобряемой деятельности (например, во внешкольных занятиях) и чем глубже их привязанность к родителям, школе и сверстникам, тем меньше вероятность, что они совершат девиантные поступки.

Разработанные Дюркгеймом методы установления соотношений между социальными отклонениями и экономическими, социальными, демографическими, культурными и другими характеристиками были широко использованы (отчасти уточнены и пересмотрены) М. Хальбваксом и активно применяются в исследованиях различных форм девиаций до сих пор.

Многое из творческого наследия Дюркгейма, в частности введенная им в научный оборот категория аномии, было использовано Р. Мертоном, создателем теории напряжения, в которой источник преступлений оказался в самой структуре американского общества.

Р. Мертон вслед за Э. Дюркгеймом рассматривает проявления девиантного поведения как закономерное порождение социальных условий. Но он модифицировал понятие аномии, отнеся его к напряженности, возникающей в поведении человека, оказавшегося в ситуации, когда цели культуры вступают в конфликт с социально одобряемыми средствами их достижения. «...отклоняющееся от нормы поведение может быть расценено как симптом несогласованности между определяемыми культурой устремлениями (к ус-

пеху, богатству) и социально организованными средствами их удовлетворения»⁷⁰.

В результате такого разрыва возникает напряжение (strain). Касаясь предпосылок возникновения аномии в современном западном обществе, Р. Мертон подробно рассматривает историю американской мечты, повествующей о том, что в демократическом обществе у всех граждан есть равные шансы и возможности превратиться из бедняка в миллионера. Так, американцы с восхищением относятся к богатству, они ориентированы на финансовый успех, который является общепринятой целью американской культуры. Однако социально одобряемые средства достижения богатства (интенсивная работа, самодисциплина, хорошее образование) или недоступны для большинства населения, или не всегда срабатывают. Согласно Мертону, ограниченность социально одобряемых средств приводит к тому, что индивид прибегает к незаконным средствам обогащения (преступление, спекуляция и др.). «С одной стороны, от него требуют, чтобы оно ориентировало свое поведение в направлении накопления богатства; с другой – ему почти не дают возможности сделать это институциональным способом. Результатом такой структурной непоследовательности является формирование психопатической личности и (или) антисоциальное поведение, и (или) революционная деятельность»⁷¹.

Таким образом, Мертон рассматривает девиантное поведение как реакцию людей на конфликт между общепринятыми целями и социально одобряемыми способами их достижения, т.е. с точки зрения социальной структуры: «...именно тогда, когда система культурных ценностей превозносит фактически над всеми остальными определенные общие для населения в целом цели, в то время как социальная структура жестко ограничивает или совершенно закрывает доступ к одобряемым способам достижения целей для значительной части того же самого населения в широком масштабе возникает девиантное поведение»⁷². Именно экономическое неравенство и отсутствие равных возможностей являются, по мнению

⁷⁰ Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности. М., 1966. С. 299.

⁷¹ Там же. С. 309.

⁷² Там же. С. 312.

Мертон, основными причинами девиантности. Он выделил пять возможных реакций на данный конфликт⁷³:

- Конформность: люди принимают как культурные цели, так и институционализированные средства их достижения. При этом чем больше стабильность общества, тем шире распространен этот тип приспособления.

- Инновация: люди акцентируют социально одобренную цель, но используют незаконные или околозаконные средства, чтобы ее достичь. Еще Т. Веблен отмечал, что в каждом конкретном случае нелегко, а порой и совершенно невозможно отличить торговлю, достойную похвалы, от непростительного преступления.

- Ритуализм: люди ведут себя в соответствии с общепринятыми стандартами, но не верят в общезначимые ценности, т.е. придерживаются социальных норм ради самих социальных норм.

- Ретризм: люди отвергают и культурные цели, и принятые институциональные средства их достижения. В социальном смысле они являются «чужаками» (бродяги, алкоголики, представители какой-нибудь независимой коммуны или секты и др.).

- Мятеж: люди, как и в случае ретризма, отвергают существующие ценности и принятые средства их достижения, но стремятся их заменить новыми, т.е. видоизменять социальную структуру (например, революционеры).

Теория социального напряжения Мертона в значительной мере способствовала пониманию истинных причин высокого уровня преступности в современном обществе. По мнению П. и Б. Бергер, она оказалась весьма продуктивной в том смысле, что он предложил использовать дюркгеймовское понятие аномии и одновременно – социально-классовый анализ⁷⁴. За предложением Мертона последовал ряд эмпирических исследований. Так, Р. Клауорд и Л. Оулин, к творчеству которых мы еще вернемся, интерпретировали правонарушение как следствие безуспешности усилий по достижении целей общества (в особенности денег и власти) легитимными средствами. Другой американский социолог Д. Гоулднер считает, что человека задевает не только невозможность реализовать эти ценности, но и все то, что можно и должно сделать для ус-

⁷³ См. Приложение «Типы поведения (адаптации) по Р. Мертону».

⁷⁴ Бергер П., Бергер Б. Указ. соч. С. 319.

пешной их реализации; существует болезнь успешной реализации. Когда человек преследует высокоценные для себя цели и убеждается в их недостижимости, это оказывает настолько сильное воздействие, что человек полностью отказывается от этих целей⁷⁵.

Теория «дифференцированной ассоциации»

Данная теория, изначально предназначенная для объяснения индивидуального преступного поведения, основывается на положении о том, что девиация – продукт особых девиантных норм и ценностей. Название теории отражает идею о том, что люди ведут себя определенным образом под влиянием своего окружения. Исследования в этой области проводились известными криминологами Э. Сатерлендом и его учеником Д. Крэсси. Именно Э. Сатерленд выдвинул в 1939 г. в работе «Принципы криминологии» идею, что девиантности можно научиться путем взаимодействия с другими людьми: люди воспринимают ценности, способствующие девиации, в ходе общения с носителями этих девиаций. Если индивид вырос в семье преступников, то существует очень большая вероятность, что он тоже станет преступником. При этом, согласно Сатерленду, криминальному поведению обучаются в первичных группах, в частности в группах сверстников. Таким образом, он связал преступление с дифференцированными связями.

Среди основных идей теории дифференцированной ассоциации можно отметить следующие:

- преступному поведению учатся, а не наследуют его;
- преступное поведение ничем принципиально не отличается от других форм человеческой деятельности;
- преступное поведение усваивается в ходе взаимодействия с другими людьми в процессе общения;
- в основном обучение проходит в группах, связывающих своих членов тесными личными отношениями;
- чем чаще и продолжительнее бывают контакты, тем более интенсивно человек усваивает девиантное поведение;

⁷⁵ Социология / Под ред. П.С. Емшина, Д.З. Мутагирова, Н.Г. Скворцова. СПб., 2004. С. 321.

- индивид становится преступником, когда усваиваемые им определения, благоприятствующие преступности, перевешивают в его сознании образцы законопослушного поведения;

- чем индивид моложе, тем с большей готовностью он усваивает навязанные другими образцы поведения.

Д. Кресси, цитируя Э. Сатерленда, следующим образом объясняет основные идеи данной теории: «Когда люди становятся преступниками, это происходит потому, что они соприкасаются с преступным образом поведения, а также потому, что они оказываются изолированными от воздействия антипреступного образа поведения...»⁷⁶. Концепции Э. Сатерленда иногда рассматривается как «теория научения».

Э. Сатерленд известен также как автор понятия «преступность белых воротничков», которое он ввел в научный оборот в 1939 г., а в 1949 г. вышла его книга под таким же названием. Под «беловоротничковой» преступностью он понимал всю должностную и предпринимательскую преступность, независимо от ранга чиновника или бизнесмена (в США должностные лица и бизнесмены ходят в белых рубашках). К преступлениям такого типа можно отнести финансовые махинации, взяточничество, лжебанкротство, нарушения антимонопольного законодательства и т.п.

Сатерленд объясняет, что преступления «белых воротничков» обычно заканчиваются не в зале суда, а гражданскими слушаниями. Гражданское право регулирует деловые отношения между частными сторонами, тогда как уголовное определяет моральную ответственность индивида перед обществом.

Теория дифференцированной ассоциации, на наш взгляд, наиболее применима к анализу девиантного поведения несовершеннолетних. Так, предпринятое нами в г. Ярославле в 2006 г. исследование несовершеннолетних преступников показало, что в отличие от своих сверстников из контрольной группы они тесно общались с людьми более старшего возраста (как, правило, 35 – 45 лет), чье поведение не отличалось законопослушностью.

Данная теория является универсальной, так как позволяла объяснить как «обычную», «уличную» преступность, так и «беловорот-

⁷⁶ Кресси Д. Развитие теории. Теория дифференцированной связи // Социология преступности. М., 1966. С. 91.

ничковую». Ценность теории Сатерленда в том, что она представляет собой попытку объяснить девиантное поведение на основе анализа обычного, свойственного человеку способа научиться чему-либо. Важную роль в становлении девиантности играют не политические или социальные институты, не экономическое положение, а повседневное общение в школе или на улице, дома или на работе.

Как заметил Э. Гидденс, теория дифференцированной ассоциации противостоит мнению, согласно которому преступники отличаются от других людей своими психологическими особенностями: Сатерленд считает, что криминальной деятельности люди научаются совершенно так же, как и законопослушному поведению, и что она направлена на те же самые потребности и ценности.

Другое дело, отмечает Я.И. Гишинский, что она, как и любая другая теория, не могла ответить на ряд вопросов: почему люди имеют те связи, которые у них есть? От чего вообще зависит происхождение преступности и девиантности и др.?

Чикагская школа и экология преступности

Крупным явлением в истории девиантологии является Чикагская школа, которая специализировалась на эмпирических исследованиях. Именно широкое применение включенного наблюдения, опросных методов и интервью, изучение биографий и личных документов является огромной заслугой этой школы. Наиболее известные участники этих исследований Р. Парк, Ф. Трэшер, К. Шоу, Г. Маккей и др.

В это время Чикаго, как и многие другие американские города, переживал бурный рост индустрии, приток иммигрантов из Старого Света и массированный приток населения из сел и малых городов Америки. За 50 лет с 1850 по 1900 г. население этого города практически удваивалось, а в отдельные периоды (каждые десять лет) и утраивалось, достигнув к двадцатым годам нынешнего столетия 2 млн. 700 тыс. человек. Этому городу был присущ весь спектр проблем быстрорастущих городов: перенаселенность, бездомность, высокий уровень девиаций и т.д.

Особого внимания заслуживает исследование молодежных группировок и банд Ф. Трэшера (1927 г.) – выдающееся произведение по подростковому возрасту. В основе его работы лежали

теория социальной дезорганизации, а также обыденные представления о жизни в нищих районах. В своем исследовании автор пытался объяснить причины существования шаяк и определить их функции. По его мнению, причиной существования подростковых банд является невозможность обычаев и институтов прямо и эффективно функционировать, направляя и контролируя опыт подростков в условиях дезорганизации семейной жизни, неэффективности школьного образования, формализма и поверхностности религии, коррумпированности и индифферентности местных политиков, низкого уровня и монополии на занятость, безработицы и отсутствия возможностей для благотворного восстановления сил.

Объектом глубокого изучения для Трэшера стало существование коллективной биографии: каким образом банда как первичная социальная группа формирует социальную природу индивидуумов. Существенным фактором этого формирования посредством группы является идентификация с какой-либо территорией. Группа определяет границы и делает строгое различие между «внутри» и «снаружи», друзьями и врагами (этноцентризм). Она развивает свой собственный моральный кодекс, отражающий желания и самосознание членов группы. В каждой шайке существует своя система наказаний и поощрений, символы, язык, код и даже стиль одежды. С точки зрения Трэшера, банда является интимной первичной группой, удовлетворяющей потребности, которые другая первичная группа – семья – не удовлетворяет.

Заслугой Трэшера является также то, что он впервые провел классификацию подростковых шаяк, отметил краткость членства в шайках, их нестабильность и открытый характер. По его наблюдениям, шайки в основном состояли из людей одной расы или национальности, причем если смешение национальностей допускалось, то смешение рас было абсолютно исключено. Все шайки состояли из молодых людей, принадлежавших к низшим слоям общества. Большинство подростков входили в шайку на протяжении трех-четырех лет, потом выросли, женились и переставали участвовать в ее деятельности.

Инновационным по своей тематике и стратегии является исследование К. Шоу «Джек-Роллер: история жизни подростка с отклоняющимся поведением» (1930 г.). В нем приводится история жизни малолетнего преступника, составленная на основе его личных вос-

поминаний, а также материалов из разных источников. Шоу полагал, что целью этой работы является попытка продемонстрировать ценность истории жизни конкретного ребенка и той социальной помощи, которая необходима детям с отклоняющимся поведением.

В традициях Чикагской школы провел свое исследование Уильям Ф. Уайт (1936 – 1939 гг.). Оно положило начало использованию метода включенного наблюдения в девиантологии. Являясь сотрудником Гарвардского университета, Уайт поселился в бедном итальянском районе на восточном побережье г. Бостона (США), носившего название Корневиль. Район Корневиль был известен как опасное для чужаков место, в котором существовало большое количество молодежных банд. Квартал выглядел как настоящие трущобы, его населяли итальянские эмигранты, среди которых были и местные политики, и члены молодежных банд, и способные молодые люди, стремившиеся получить высшее образование. Полученные результаты легли в основу его классического труда «Общество уличного перекрестка» (1943 г.). Уайта интересовали прежде всего обычаи, ценности, ориентации местных жителей, а также их способы адаптации к новой культуре, в том числе и девиантное поведение.

Он прожил в квартале более трех лет под видом студента-историка, изучающего историю Корневилья, участвуя в жизни группы молодых безработных людей. Он научился местным обычаям, изучил итальянский язык, играл в боулинг и карты. Параллельно он вел регистрацию своих впечатлений, сначала тайно, а потом – по мере завоевания доверия – открыто, чему в немалой степени способствовало его проживание в одной из семей эмигрантов.

В своей книге Уайт отмечает строгую иерархию банды и соблюдение определенных норм поведения: кто к кому имеет право обратиться, кому дозволено одержать победу в игре в боулинг и т.д. Уайт не оказывал никакого воздействия на исследуемых, так как только вождь знал об истинных причинах его наблюдения. Но его исследование интересно еще и тем, что повествует о надеждах и разочарованиях малой этнической группы, желающей приобрести счастье на чужой земле и нашедшей лишь жизнь в трущобах.

Остается добавить, что наследие Чикагской школы проявляется и в современных исследованиях экологии города, применении метода «картирования», привязки социального контроля к локальным условиям районов большого города.

Теория субкультур

Теория субкультур возникла в результате исследований подростковой преступности и бандитизма. В значительной степени она исходила из теорий аномии и напряжения, но девиантность в ней рассматривается в связи с субкультурными группами, в которых приняты нормы, поощряющие или вознаграждающие криминальное поведение. Можно сказать, что начало «субкультурному» подходу положили У. Томас и Ф. Знанецкий, которые анализировали социальную дезорганизацию в контексте трудностей адаптации и ассимиляции иммигрантов в американскую жизнь. Они проявили интерес к исследованиям юношеской девиантности среди поляков Чикаго.

Родоначальником этого направления можно считать Т. Селлина, который в своей работе «Конфликт культур и преступность» (1938 г.) подчеркивал, что девиация возникает в результате конфликтов между нормами культуры. Это объясняется тем, что ценности, идеалы и интересы отдельной группы (например, мигрантов) не соответствуют нормам большинства.

На основе теории Селлина американский социолог А. Коэн разработал собственную концепцию субкультуры. На примере американского общества он рассматривает технологию формирования девиантного поведения: «...когда законные пути к поставленным между собой целям оказываются закрытыми или когда для этого не хватает личных данных, неудовлетворенность может обернуться разочарованием и горьким сознанием неудачи... Чувство отчаяния и безнадежности и неэффективность традиционных институтов социального контроля особенно заметны среди бедноты в огромных городских агломерациях ... Для динамичного индустриального общества характерно также привлечение большого количества мигрантов ... Они скапливаются в огромных трущобах вместе с осевшими там остатками предыдущих миграций, неудачниками и отбросами экономики. Здесь мы в больших масштабах обнаруживаем крушение надежд и разочарование, апатию и отчуждение»⁷⁷.

Анализируя микрогруппы (банды, сообщества), Коэн приходит к выводу, что в них формируются своего рода «миникультуры» (субкультуры), состоящие из норм общения, ценностей, привычек,

⁷⁷ Коэн А. Отклоняющееся поведение и контроль над ним // Американская социология: перспективы, предметы, методы. М., 1972. С. 292 – 293.

прав и обязанностей, мер контроля и пр. Члены данных субкультур строят свое поведение исходя из групповых распоряжений, но доминантные социальные группы могут определять это поведение как девиантное.

Коэн полагает, что девиантность наиболее распространена среди молодежных субкультур, сформированных на основе низших классов, потому что они располагают наименьшими возможностями добиться традиционного успеха. Именно этим можно объяснить «увлечение» Коэна исследованиями молодежных субкультур. В своей книге «Подростки-правонарушители» он объясняет формирование субкультуры молодых правонарушителей разочарованностью своим положением в жизни. Поскольку общество ими пренебрегает, они пытаются обрести чувство собственного достоинства, создавая делинквентную субкультуру, где отвергаются ценности среднего класса и приветствуется нонконформизм (правонарушения, вандализм, разрушения и пр.).

У. Миллер расширил идею Селлина о взаимосвязи между культурой и девиантным поведением. По его мнению, одним из ярких проявлений субкультуры низшего слоя общества является групповая преступность. У. Миллер настаивал, что подростковая делинквентность строится на собственной, насчитывающей столетия традиции, отличающейся своей особой целостностью. Среди факторов, которые способствуют делинквентности, Миллер выделяет особые личностные характеристики: хулиганство, развязность, взвинченность. Отличительными признаками делинквентной субкультуры, по Миллеру, являются⁷⁸:

- проблемность, возникающая из-за частых конфликтов с педагогами и полицией;
- жесткость, так как физические параметры и сила ценятся превыше всего, особенно среди мужчин;
- ловкость – умение преуспеть на улицах, перехитрить или «кинуть» других и избежать того же по отношению к себе;
- потребность в возбуждении – поиск острых ощущений, риска и опасности;
- фатализм – ощущение, что люди не являются хозяевами собственной жизни;

⁷⁸ Массионис Дж. Указ. соч. С. 512.

- жажда свободы, которая нередко принимает форму враждебности по отношению к авторитетным и властным фигурам.

Однако ни Селлин, ни Миллер в своей теории не смогли ответить на вопрос: почему лишь одни люди усваивают ценности девиантной субкультуры, а другие нет?

Ученики Р. Мертон Р. Клауорд и Л. Оулин во многом соглашались с теорией Коэна: например, в том, что большинство правонарушителей формируется из низшего класса, а также в том, что они изначально обладают не очень большими шансами на успех. Ученые предположили, что преступление рождается не только из недостатка законных возможностей, но и от легкой доступности незаконных возможностей, которые к тому же сулят реальные блага. Риск выбора девиантного поведения увеличивается, если у субкультуры харизматичный процветающий лидер, который своим примером «соблазняет» людей, имеющих очень ограниченные ресурсы для достижения успеха. Особенно такое «заражение» характерно для выходцев из обездоленных групп, например этнических меньшинств.

В своей монографии «Делинквентность и возможности: теория делинквентных групп» (1961 г.) они убедительно показали, что доминирующие социальные группы, навязывая молодежи определенные культурные цели, не замечают, что у большей части молодых людей нет законных средств их достижения. Таким образом, молодой человек, попадая во взрослую жизнь, сталкивается совсем не с тем, что ему внушали в процессе воспитания. Причем наибольшую опасность здесь представляют молодые люди, которые стремятся к идеалам среднего класса. Как правило, они реагируют на это тремя способами:

- создают преступные субкультуры (например, воровские шайки) и, используя незаконные средства и методы, имеют возможность следовать установленным в обществе целям;
- объединяются в конфликтные субкультуры (банды), для которых характерны акты вандализма;
- формируют ретристские субкультуры (потребители наркотиков, алкоголя), где молодые люди «уходят от действительности».

Сторонники теории субкультур уделяют значительное внимание социальному контролю. Так, А. Коэн отмечает, что «... в США легко пускается в дело уговорное право для контроля над шабло-

нами поведения, которые во многих обществах также считаются отклоняющимися, но контролируются главным образом с помощью прочих социальных институтов и неформальных процессов общественного мнения. Подобное уголовное законодательство включает в себя репрессивные законы, возводящие в ранг преступлений так называемые пороки: проституцию и прочие формы сексуальных отклонений, азартные игры, курение марихуаны,... а по законам некоторых американских штатов и употребление алкоголя... Таким образом, усердное стремление к искоренению неконформистского поведения с помощью уголовных законов имеет тенденцию превращать в преступление то, что таковым и не является, способствовать созданию незаконных форм бизнеса и поощрять определенные виды правонарушений...»⁷⁹. Заканчивая анализ мер контроля над отклонениями, Коэн делает интересный вывод: «США – очень богатая страна, которая может предавать страстному изобличию всевозможные виды отклонений и вести борьбу с ними самыми разнообразными средствами»⁸⁰.

На наш взгляд, большая заслуга теории субкультур заключается в том, что ее представители эмпирически доказали, что отсутствие законной возможности добиться легитимного успеха провоцирует «исключенные» группы на девиантные поступки. И, как отмечает Массионис, главный аргумент Клауорда и Оулина, Коэна, Миллера – то, что девиантность отражает структуру возможностей в обществе, – был подтвержден результатами последующих исследований⁸¹. Однако эта теория ошибочна в том, что она не объясняет «беловоротничковую» преступность, ведь, исходя из ее основных идей, в группу потенциальных преступников попадают непривилегированные слои населения.

⁷⁹ Коэн А. Указ. соч. С. 285.

⁸⁰ Там же. С. 288.

⁸¹ Массионис Дж. Указ. соч. С. 515.

Задание на семинарское занятие

1. Продумайте возможные функции девиантности согласно Дюркгейму. Способно ли общество, с позиций этого автора, когда-нибудь освободиться от девиантности?

2. В чем состоит отличие социологического взгляда на девиантность от расхожего мнения, согласно которому только плохие люди совершают плохие поступки?

3. Какое влияние могут оказать на преступность процессы глобализации?

4. Какая из описанных теорий Вам кажется наиболее объективной в попытке проанализировать девиацию и почему?

Литература

Обязательная для прочтения литература к лекции «Социология девиантности и социального контроля»

Список 1

1. Афанасьев, В.С. К вопросу о понятии антисоциального поведения / В.С. Афанасьев, И.В. Маточкин // Вестник ЛГУ. – 1979. – № 17, вып. 3.
2. Гилинский, Я.И. Творчество – норма или отклонение? / Я.И. Гилинский // Социологические исследования. – 1990. – № 2.
3. Вингендер, И. Аномия и девиация в венгерском обществе / И. Вингендер // Социологические исследования. – 2001. – № 5.
4. Динамика уровней заболеваемости и смертности от болезней, имеющих «социальную окраску» в современной России // Вопросы статистики. – 1998. – № 3.
5. Кудрявцев, В.Н. Социологические проблемы исследования антиобщественного поведения / В.Н. Кудрявцев // Социологические исследования. – 1974. – № 1.
6. Погам, С. Исключение: социальная инструментализация и результаты исследования / С. Погам // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. – Т. 2. Специальный выпуск: Современная французская социология.
7. Пригожин, И. Философия нестабильности / И. Пригожин // Вопросы философии. – 1991. – № 6. – С. 46 – 52.
8. Саксонское зеркало. – М., 1985.
9. Социальные отклонения. Введение в общую теорию. – М., 1984.
10. Тюриков, А.Г. Военная девиантология / А.Г. Тюриков. – М., 2001.
11. Яковлев, А.М. Социология преступности / А.М. Яковлев. – М., 2001.
12. Яковлев, А.М. Социология экономической преступности / А.М. Яковлев. – М., 1988.

Список 2

1. Бек, У. Общество риска / У. Бек. – М., 2000. – Ч. 1.
2. Веблен, Т. Теория праздного класса / Т. Веблен. – М., 1984.
3. Коган, В.М. Социальные свойства преступности / В.М. Коган. – М., 1977.
4. Кудрявцев, В.Н. Исследовательская проблема – социальные отклонения / В.Н. Кудрявцев // Социологические исследования. – 1983. – № 2.
5. Лунев, В.В. Политическая преступность / В.В. Лунев // Государство и право. – 1994. – № 7.

6. Мертон, Р. Социальная структура и аномия / Р. Мертон // Социология преступности. – М., 1996.
7. Олейник, А. «Бизнес по понятиям»: об институциональной модели российского капитализма / А. Олейник // Вопросы экономики. – 2001. – № 5.
8. Сахаров, А.Б. О личности преступника и причинах преступности в СССР / А.Б. Сахаров. – М., 1961.
9. Сорокин, П. Преступление и кара, подвиг и награда / П. Сорокин. – М., 2005.
10. Яковлев, А.М. Социология преступности / А.М. Яковлев. – М., 2001.

Список 3

1. Белл, Д. Преступление как американский образ жизни / Д. Белл // Социология преступности. – М., 1996.
2. Гернет, М.Н. Избранные произведения / М.Н. Гернет. – М., 1974.
3. Дюркгейм, Э. Норма и патология / Э. Дюркгейм // Социология преступности. – М., 1996.
4. Дюркгейм, Э. Самоубийство: Социологический этюд / Э. Дюркгейм. – М., 1994.
5. Зелинский, А.Ф. Осознаваемое и неосознаваемое в преступном поведении / А.Ф. Зелинский. – Харьков, 1986.
6. Коэн, А. Отклоняющееся поведение и контроль над ним / А. Коэн // Американская социология: Преступность, проблемы и методы. – М., 1972.
7. Крэсси, Д. Развитие теории. Теория дифференцированной связи // Социология преступности / Д. Крэсси. – М., 1996.
8. Ландер, Б. Экологический анализ Балтимора / Б. Ландер // Социология преступности. – М., 1966.
9. Ломброзо, Ч. Гениальность и помешательство / Ч. Ломброзо. – Минск, 2000. (www.lib.ru)
10. Ломброзо, Ч. Женщина – преступница и проститутка / Ч. Ломброзо. – Минск, 2000. (www.lib.ru)
11. Ломброзо, Ч. Любовь у помешанных / Ч. Ломброзо. – Минск, 2000. (www.lib.ru)
12. Мертон, Р. Социальная структура и аномия / Р. Мертон // Социология преступности. – М., 1996.
13. Селлин, Т. Конфликт норм поведения / Т. Селлин // Социология преступности. – М., 1996.
14. Тард, Г. Преступник и преступление; Сравнительная преступность; Преступления толпы / Г. Тард / Сост. и предисл. В.С. Овчинского. – М., 2004.
15. Ферри, Э. Уголовная социология / Э. Ферри. – М., 2005.
16. Фрейд, З. Достоевский и отцеубийство / З. Фрейд // «Я» и «Оно»: труды разных лет. – Тбилиси, 1991. – Кн. 2.

17. Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм. – М., 1994.
18. Фромм, Э. Бегство от свободы / Э. Фромм. – М., 1994.
19. Шоу, К. Теоретические выводы из экологического изучения Чикаго / К. Шоу, Г. Маккей // Социология преступности. – М., 1966.
20. Экономическая теория преступной и правоохранительной деятельности / Под ред. Л. Тимофеева, Ю. Латова. – М., 1999.
21. Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Соч. – 2-е изд. – Т. 2. – С. 231 – 517.

Дополнительная литература

1. Антонян, Ю.М. Психология убийства / Ю.М. Антонян. – М., 1997.
2. Афанасьев, В.С. Организованная преступность в современной России (опыт социологического анализа) / В.С. Афанасьев. – СПб., 1994.
3. Беляева, Л.И. Отклоняющееся поведение как социальное явление / Л.И. Беляева. – М., 1996.
4. Бергер, П. Социология: биографический подход / П. Бергер, Б. Бергер // Личностно-ориентированная социология. – М., 2004.
5. Быстрова, А.С. Феномен коррупции: некоторые исследовательские подходы / А.С. Быстрова, М.В. Сильвестрос // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2000. – Т. 3, вып.1.
6. Гидденс, Э. Социология / Э. Гидденс. – М., 2005.
7. Гишинский, Я. Организованная преступность в России: теория и реальность / Я. Гишинский. – СПб., 1996.
8. Гишинский Я.И. Девиантология / Я.И. Гишинский. – СПб., 2004.
9. Голосенко, И.А. Социологическая ретроспектива дореволюционной России / И.А. Голосенко. – СПб., 2002.
10. Долгова, А.И. Преступность, ее организованность и криминальное общество / А.И. Долгова. – М., 2003.
11. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм. – М., 1996.
12. Дюркгейм, Э. Самоубийство / Э. Дюркгейм. – М., 1994.
13. Закс, В.А. Социокультурные предпосылки коррупции / В.А. Закс // Государство и право. – 2001. – № 4.
14. Кларк, Р. Преступность в США / Р. Кларк. – М., 2002.
15. Ковалева, А.И. Социология личности: норма и отклонение / А.И. Ковалева. – М., 1996.
16. Коллинз, Р. Социологическая интуиция: Введение в неочевидную социологию / Р. Коллинз // Личностно-ориентированная социология. – М., 2004.

17. Коэн, А. Отклоняющееся поведение и контроль за ним / А. Коэн // Американская социология: перспективы, проблемы, методы / под ред. Г.В. Осипова. – М., 1972.
18. Кудрявцев, В.Н. Социальные отклонения / В.Н. Кудрявцев, С.В. Бородин, В.С. Нерсисянц. – 2-е изд. – М., 1989.
19. Лебедев, С.Я. Традиции, обычаи и преступность / С.Я. Лебедев. – М., 1995.
20. Лунев, В.В. Преступность XX века: Мировые, региональные и российские тенденции. Мировой криминологический анализ / В.В. Лунев. – М., 1999.
21. Массионис, Дж. Социология / Дж. Массионис. – СПб., 2005.
22. Поздняков, М.Е. Социологический анализ наркомании / М.Е. Поздняков. – М., 1995.
23. Сатаров, Г.С., Пархоменко С.А. Разнообразие стран и разнообразие коррупции (Анализ сравнительных исследований) / Г.С. Сатаров, С.А. Пархоменко. – М., 2001.
24. Сатерленд, Э. Являются ли преступления людей в белых воротничках преступлениями? / Э. Сатерленд // Социология преступности. – М., 1966.
25. Сафонов, В.Н. Организованное вымогательство / В.Н. Сафонов. – СПб., 2000.
26. Свенсон, Б. Экономическая преступность / Б. Свенсон. – М., 1987.
27. Смелзер, Н. Социология / Н. Смелзер. – М., 1994.
28. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко. – М., 1999.
29. Хагуров, Т.А. Введение в современную девиантологию / Т.А. Хагуров. – Ростов н/Д, 2003.
30. Щепанская, Т.Б. Символика молодежной субкультуры: Опыт этнографического исследования системы: 1986 – 1989 гг. / Т.Б. Щепанская. – СПб., 1993.
31. Яковлев, А.М. Преступность как образ жизни / А.М. Яковлев. – М., 1967.
32. Яковлев, А.М. Социология экономической преступности / А.М. Яковлев. – М., 1998.
33. Яковлев, А.М. Теория криминологии и социальная практика / А.М. Яковлев. – М., 1985.

Приложения

Приложение 1

Рациональная система наказаний позитивной школы

I. Убийцы (характеризующиеся нравственной нечувствительностью и инстинктивной жестокостью)		
Виновные в:	убийстве, совершенном из корысти или ради иного какого-либо эгоистического наслаждения — убийстве без всякого повода со стороны жертвы — убийстве, совершенном жестоко	Приюты для умалишенных преступников или смертная казнь
II. Насильники или импульсивные (характеризующиеся отсутствием чувства сострадания, предрассудками относительно чести, долга и мести и т.д.)		
Совершеннолетние, виновные в:	убийстве, вызванном внезапно тяжким оскорблением. В убийстве при обороне	Удаление из местности, где обитает семейство жертвы (местное изгнание)
Совершеннолетние, виновные в:	убийстве из чувства чести, мести (отдельном или эндемическом)	Релегация на остров, в колонию, в отдаленное селение, на свободе, но под надзором (на определенный срок, с периодом надзора от 5 до 10 лет)
Совершеннолетние, виновные в:	грубых, жестоких поступках, в нанесении ран, сопровождаемом оскорблениями, в изувечении, похищении или изнасиловании, лишении свободы с намерением любодеяния	Возмещение ущерба и штраф. Строгое для осужденных, имеющих денежные средства, оно может быть заменено удержанием известной части жалованья или обязательной работой, тюремным заключением в случае отказа
Несовершеннолетние, виновные в:	преступлениях с пролитием крови, без извиняющих обстоятельств. В посягательствах на целомудрие	Приют для умалишенных преступников (для преступников по прирожденной склонности), колония для преступников, а в случае рецидива — депортация с оставлением в некультурной местности

III. Преступники, лишенные чувства честности		
Совершеннолетние, привычные, виновные в:	воровстве, мошенничестве, поджоге, подлоге, вымогательстве	Приют для умалишенных преступников (если виновные сумасшедшие или эпилептики). Депортация
Совершеннолетние, случайные, виновные в:	воровстве, мошенничестве, подлоге, поджоге, вымогательстве	Рабочие артели на неопределенный срок (пока не приобретется привычка к какой-нибудь правильной работе) или воспрещение заниматься профессией до полного вознаграждения за причиненный вред
Совершеннолетние, виновные в:	казнокрадстве, лихоимстве, продаже должностей, злоупотреблении властью	Лишение должности. Воспрещение занимать общественную должность. Штраф. Возмещение вреда
Совершеннолетние, виновные в:	поджоге, погроме, причинении из мести убытков (без посягательства на личность)	Возмещение убытков и, в случае невозможности, тюремное заключение. Приюты для умалишенных преступников (для умалишенных). Депортация (для рецидивистов)
Совершеннолетние, виновные в:	банкротстве, преступной несостоятельности	Возмещение убытков, лишение права торговли и права занимать общественные должности
Совершеннолетние, виновные в:	подделке монеты, кредитных билетов, в подделке удостоверений, объявлений и свидетельств, в присвоении звания, лжесвидетельстве в пользу обвиняемого	Тюремное заключение (на неопределенный срок) и штраф (кроме лишения должности и возмещения убытков)
Совершеннолетние, виновные в:	двоеженстве, подмене или сокрытии ребенка	Релегация на неопределенный срок
Несовершеннолетние, виновные в:	воровстве, мошенничестве и пр.	Земледельческие колонии (на неопределенный срок)
IV		
Виновные в:	мятеже, восстании, отказе от повиновения власти	Тюремное заключение (на неопределенный срок)

Ф. Зимбардо
«Стэнфордская окружная тюрьма»

Известный своими экспериментами психолог Ф. Зимбардо задался целью проанализировать психологическое состояние людей, попавших в тюрьму: порождают ли условия изоляции поведение, связанное с насилием? Или заключенные, содержащиеся в закрытых учреждениях, изначально склонны к правонарушениям? Зимбардо выдвинул гипотезу, что к насилию склонны даже эмоционально здоровые люди, если они попадают в тюрьму.

Для проверки своей гипотезы исследовательская группа Зимбардо на базе психологического корпуса Стэнфордского университета воссоздала вполне правдоподобную «тюрьму». Затем ученые дали рекламное объявление в газету города Пало Альто, предлагая молодым мужчинам за денежное вознаграждение (15 долларов в день) поучаствовать в двухнедельном исследовательском проекте. Каждого из 75 откликнувшихся они подвергли серии физических и психологических испытаний, после чего отобрали 24 самых здоровых.

В дальнейшем исследователи случайным образом разделили мужчин на две равные категории – «заключенных» и «охранников». По плану и те, и другие должны были провести в инсценированной тюрьме более десяти дней. Авторам проекта удалось полностью воссоздать условия сопровождения так называемых «заключенных», полиция города «арестовала» их в собственных домах. Закованных в наручники мужчин доставили в полицию, где они оставили отпечатки пальцев и переоделись в одежду заключенных (для возникновения у них чувства обезличенности). Затем полиция переправила своих пленников в Стэнфордскую тюрьму, где их заперли охранники, одетые в специальную униформу. Каждому охраннику выдали свисток, полицейскую дубинку и зеркальные темные очки, которые скрывали глаза. Зимбардо, установив видеокамеру, стал наблюдать, что будет дальше.

Хотя участники эксперимента сначала воспринимали происходящее с ними как игру, эксперимент превысил рамки оговоренного.

Вскоре и охранники, и заключенные начали испытывать чувство глубокой враждебности по отношению к друг к другу. Так, охранники унижали заключенных, поручая им чистить туалеты голыми руками. Заключенные сопротивлялись и оскорбляли охранников. Через четыре дня исследователи изъяли пять узников, у которых отмечались «крайняя эмоциональная подавленность, плач, ярость и обостренная тревога», у многих обострились хронические заболевания. В результате эксперимент, рассчитанный на две недели, пришлось прекратить спустя семь дней. Зимбардо объясняет: «...на поверхности оказалась самая уродливая, глубинная патологическая сторона человеческой натуры. Мы ужаснулись, когда увидели, что некоторые юноши (охранники) обращаются с другими, как с презренными животными, получая удовольствие от жестокости, тогда как другие (заключенные) превратились в жалких, лишенных всего человеческого роботов, которые думали только о побеге, собственном выживании и растущей ненависти к охранникам»⁸².

События, развернувшиеся в «Стэнфордской окружной тюрьме», подтвердили гипотезу Зимбардо о том, что тюремное насилие укоренено в социальной природе самих тюрем, а не в личности заключенных и охранников. Это открытие поставило вопрос о роли тюрем в США, подразумевающий необходимость фундаментальной реформы системы наказания.

В приведенном ниже повествовании Зимбардо описывает свой эксперимент и делает основные выводы по психологии заключенных⁸³.

«... После снятия отпечатков пальцев и оформления идентификационных документов для "досье" подозреваемого помещали в одиночную камеру, где он ломал голову над тем, из-за чего он мог попасть в такую переделку. Через некоторое время его с завязанными глазами перевозили в "Стэнфордскую окружную тюрьму". Здесь происходило его превращение в заключенного: его раздевали догола, обыскивали, проводили санобработку и выдавали ему тюремную форменную одежду, постель и туалетные принадлежности. Отдавая приказы, конвоиры кричали на заключенного и подталки-

⁸² Пайнс Э., Маслач К. Практикум по социальной психологии. СПб., 2000. С. 298.

⁸³ Там же. С. 296 – 320.

вали его, если он подчинялся недостаточно быстро. Ситуация включала в себя еще несколько необычных штрихов: заключенные были одеты в странную униформу, состоявшую из рабочего халата (или балахона) и колпака, сделанного из чулка, а на лодыжке у каждого из них была цепь. Конвоиры тоже не были похожи на «настоящих» охранников: по своему внешнему виду они не отличались от большинства длинноволосых, напоминающих хиппи заключенных, только на них была военная форма защитного цвета. Что же это была за тюрьма?..

...Первоначально мы ставили перед собой следующие вопросы: как люди будут адаптироваться к непривычной и чуждой им ситуации, в которой так называемые "заключенные" теряют свою свободу, гражданские права и право на тайну частной жизни, в то время как так называемые "надзиратели" получают власть и социальный статус? Что является причиной жестокости и насилия, якобы царящих в американских тюрьмах, – свойства характера обитателей тюрем, в которых, как принято считать, "социопатических" преступников охраняют "садисты-надзиратели", или особенности самой социально-психологической среды, в которую попадают заключенные? Здесь мы противопоставили друг другу диспозиционные и ситуационные детерминанты поведения, чтобы выяснить, какие из них будут преобладать, то есть каким из них можно приписать большую часть отклонений).

...Испытуемые-заключенные круглосуточно находились в имитированной тюрьме в течение всего периода исследования. Они были произвольно распределены по три человека в каждую из трех камер; остальные были запасными и ждали вызова, находясь у себя дома. Испытуемые-надзиратели работали по 8 часов сменами по три человека; они находились в тюремной обстановке только в течение своей рабочей смены, а все остальное время жили своей обычной жизнью.

Всем испытуемым сказали, что они совершенно случайным способом будут назначены либо на роль надзирателя, либо на роль заключенного. Испытуемые, назначенные на роли надзирателей, присутствовали на организационном собрании накануне дня поступления заключенных в тюрьму.

Перед ними была поставлена задача поддерживать в тюрьме порядок на разумном уровне, необходимом для ее эффективного

функционирования, но конкретные способы выполнения этих обязанностей в явной форме указаны не были. До их сведения был доведен тот факт, что, хотя многие из чрезвычайных обстоятельств, с которыми они могут столкнуться, принципиально непредсказуемы (например, попытки побега заключенных), в их обязанности входит быть подготовленными к таким непредвиденным происшествиям и уметь надлежащим образом справляться с разнообразными ситуациями, которые могут возникнуть.

Для того чтобы поведение надзирателей отражало их истинные реакции на экспериментальные тюремные ситуации, а не просто их способность выполнять инструкцию, им преднамеренно давали лишь минимальные указания по поводу того, каким должен быть надзиратель. Однако экспериментаторы в явной форме категорически запретили применение телесных наказаний и физического насилия и подчеркнули обязательность выполнения этого правила.

Когда все камеры были заселены, заключенных приветствовал смотритель, который прочитал им тюремные правила (составленные надзирателями и смотрителем). Их надо было запомнить и соблюдать. К заключенным надо было обращаться только по номерам, написанным на их форме, – это тоже было одним из способов их обезличивания.

Заключенным полагалось скудное трехразовое питание, им разрешалось три раза в день под конвоем посещать туалет и предоставлялось право ежедневно в течение двух часов читать или писать письма. Им предписывалось работать, за что они должны были получать почасовую оплату, которая и составляла их дневной заработок 15 долларов. Режим предусматривал два свидания в неделю, а также время для просмотра фильмов и занятий физкультурой. Три раза в день заключенных строили в шеренгу для "переклички" (один раз за рабочую смену каждого надзирателя). Сначала цель переклички состояла в том, чтобы удостовериться в присутствии всех заключенных и проверить, знают ли они тюремные правила и свои идентификационные номера.

Первые формальные переклички длились только около 10 минут, но с каждым следующим днем (или ночью) их продолжительность спонтанно возрастала и иногда достигала нескольких часов. Надзиратели изменили многие из предварительно установленных административных процедур или не выполняли их, а некоторые

права заключенных были забыты персоналом тюрьмы по ходу исследования.

У нас имеется большое количество результатов, относящихся к тем событиям и формам поведения, которые мы оценивали и записывали на пленку.

Здесь приводится лишь краткий обзор этих результатов, чтобы мы смогли уделить основное внимание рассмотрению и обсуждению открытий, сделанных с помощью нашей экспериментальной парадигмы.

1. Структурный анализ записанных на видеопленку 25 случаев взаимодействия между заключенными и надзирателями ясно указывает на существование резких различий между этими двумя группами. Для поведения надзирателей были характерны следующие черты: приказы, оскорбления, угрозы, вербальная и физическая агрессия и обезличивающее отношение к заключенным.

Заключенные сопротивлялись, отвечали на заданные им вопросы и задавали вопросы. Но в поведении заключенных наиболее примечательны не особые качественные характеристики, а низкий базовый уровень активности. С каждым следующим днем заключенные становились все пассивнее, редко предпринимали действия по своей инициативе и в лучшем случае только реагировали на требования надзирателей.

2. Уровень вербальной и физической агрессии надзирателей постоянно повышался с течением времени. Каждый из надзирателей в тех или иных случаях проявлял жестокость по отношению к заключенным и унижал их. Однако некоторые делали это только иногда, в то время как примерно одна треть надзирателей систематически проявляли агрессивность и настолько деградировали, что их поведение можно было назвать садистским. Казалось, что им было приятно видеть страдания заключенных.

3. У заключенных наблюдалась заметная тенденция к возрастанию негативизма, депрессии и склонности причинять вред другим людям.

4. Все заключенные испытывали сильные душевные страдания. Половина из них (5 испытуемых) не смогли эффективно с ними справиться, и из-за крайней депрессии, острой тревоги или психосоматических заболеваний их пришлось освободить.

5. Ни в одной из полученных нами до эксперимента личностных оценок испытуемых не наблюдалось различий, которые позволили бы прогнозировать (или объяснить постфактум) столь резкие различия в поведении между заключенными и надзирателями или между самыми жестокими и самыми снисходительными надзирателями.

6. Записывая частные разговоры заключенных, мы узнали, что почти все, о чем они разговаривали (90%), было непосредственно связано с тюремными условиями, пищей, правами, наказаниями, тревогами, жалобами. Таким образом, даже когда заключенные были одни и не участвовали в унижительных столкновениях с надзирателями, они, тем не менее, сохраняли иллюзию тюремного заключения, разговаривая о нем, а не о своей прошлой или будущей жизни (как мы ожидали)

7. Один из наиболее примечательных случаев за все время эксперимента произошел во время заседания комиссии по досрочному освобождению. Каждого из пяти заключенных спрашивали, согласен ли он отказаться от всех заработанных в тюрьме денег, если его досрочно освободят (от участия в исследовании). Трое из пяти заключенных ответили согласием и выразили желание сделать именно так. Отметим, что исходным мотивом для участия в исследовании было обещание денежного вознаграждения, а всего лишь через четыре дня заключенные были готовы полностью отказаться от денег. Еще удивительнее то, что когда заключенным говорили, что такую возможность надо обсудить с персоналом тюрьмы и только после этого можно принять решение, то каждый из них покорно вставал и под охраной надзирателя возвращался обратно в свою камеру. Если они считали себя просто испытуемыми, которые за деньги участвуют в эксперименте, то у них больше не было никакого стимула оставаться участниками исследования, и они могли легко выйти из ситуации, вызывавшей у них столь явное отвращение, путем отказа от дальнейшего участия.

Но данная ситуация приобрела над ними такую мощную власть, имитированная среда стала для них настолько реальной, что они уже не могли понять, что их первоначальный и единственный мотив участия в эксперименте больше не существовал. Поэтому они возвращались в свои камеры ожидать от своих тюремщиков решения о «досрочном освобождении».

8. Если попытаться ответить на наши исходные вопросы, то вполне очевидно, что в тюрьме сложилась угрожающе патологическая обстановка; со стороны надзирателей это проявлялось в жестокости и злоупотреблениях властью, со стороны заключенных – в стойких проявлениях приобретенной в тюрьме беспомощности. ...Индивиды, тщательно подобранные по критериям нормальности, здравомыслия и однородности их личностных черт, через несколько дней стали действовать таким образом, что вне данного контекста их поведение было бы сочтено аномальным, безумным, невротическим, психопатическим и садистским. Их поведение определялось исполняемой ролью, и его нельзя было объяснить ранее существовавшими чертами характера или так называемой "преморбидной" историей».

Приложение 3

Типы поведения (адаптации) по Р. Мертону

Тип	Определяемые культурой цели	Институционали- зированные сред- ства
Конформизм	+	+
Инновация (реформизм)	+	-
Ритуализм	-	+
Ретризм	-	-
Мятеж	- +	- +

Оглавление

Предисловие.....	2
Глава 1. Основные понятия девиантологии.....	4
<i>Девиантология: понятие, предмет, связи</i>	
<i>с другими науками</i>	<i>4</i>
<i>Понятие девиации.....</i>	<i>16</i>
<i>Социальная норма.....</i>	<i>20</i>
Глава 2. Биологическое (антропологическое) направление	
объяснения девиантности.....	30
<i>Теория Ч. Ломброзо о «прирожденном преступнике»</i>	<i>30</i>
<i>Теория конституциональной предрасположенности.....</i>	<i>42</i>
<i>Хромосомная теория.....</i>	<i>44</i>
Глава 3. Психологическое направление объяснения	
девиантности.....	47
Глава 4. Социологическое направление объяснения	
девиантности.....	64
<i>Теория аномии</i>	<i>71</i>
<i>Теория «дифференцированной ассоциации»</i>	<i>79</i>
<i>Чикагская школа и экология преступности.....</i>	<i>81</i>
<i>Теория субкультур</i>	<i>84</i>
Литература	89
Приложения	93

Учебное издание

Руденко Лариса Дмитриевна

Девiantiология

Учебное пособие

Редактор, корректор В.Н. Чулкова
Компьютерная верстка И.Н. Ивановой

Подписано в печать 11.07.2007. Формат 60х84/16. Бумага тип.
Усл. печ. л. 6,04. Уч.-изд. л. 5,06. Тираж 60 экз. Заказ

Оригинал-макет подготовлен
в редакционно-издательском отделе ЯрГУ
Ярославский государственный университет
150000 Ярославль, ул. Советская, 14

Отпечатано
ООО «Ремдер» ЛР ИД № 06151 от 26.10.2001.
г. Ярославль, пр. Октября, 94, оф. 7 тел. (4852) 73-35-03